

Сборник прозы

«Сокровенные мысли»

Выпуск 24

Независимое Издательство

Аннотация

«Как только в вашем сознании возникает одна мысль сомнения, земля становится преградой для вас. Как только в вашем сознании возникает одна гневная мысль, огонь начинает обжигать вас. Как только в вашем сознании возникает одна радостная мысль, ветер начинает дуть на вас..» (С)

Мысли - это неотъемлемая часть нашей жизни, мысль руководит нашим сознанием. В сборнике «Сокровенные мысли» мы собрали авторов, проза которых заставит каждого из Вас глубоко окунуться в мир непостижимого, которым мы окружены.

ISBN: 978-1-71671-474-0

УДК: 1751

Итоги конкурса

1 место: Николай Яременко

Дополнительная информация от первого лица:

В жизни всё – цепочка случайностей. Я не собирался становиться журналистом, но когда учился в аспирантуре, позвали выступить спикером на радио в одной из передач – так и остался. Отработал в эфире 23 года. Уже и не помнит никто, что был просто гостем, который засиделся и никак не уходит...

Книги тоже писать никогда не планировал. Но попробовал десять лет назад – и издал уже больше двадцати. Правда, это скорее публицистика о спорте – о футболе, хоккее, фигурном катании, об Олимпиаде в Сочи. А к жанру художественной прозы вообще никогда даже пробных подходов не делал. А на карантине, пока работа в редакции «Советского спорта» осуществлялась из дома, вдруг попробовал.

Ещё никогда наше общество не сталкивалось с таким испытанием – глобальная самоизоляция. Каким испытаниям подвергается внутренний мир каждого из нас, когда мы вырваны из привычных социальных связей, какими причудливыми смыслами начинает наполняться наш внутренний мир и как избежать при этом внутреннего дискомфорта – об этом один из рассказов сборника. А вторая миниатюра вышла, как принято сегодня говорить, атмосферная: она окунает в то время, когда подлинная литература, без тени пропаганды и наносных наслоений, овладевала умами молодых людей, которым искренне казалось, что будущее – как у классика – светло и прекрасно.

2 место: Азат Арсланов

3 место: Марина Пономарева

Содержание

Николай Яременко	5
Азат Арсланов	10
Марина Пономарева	21
Антон Юрченко	25
Вадим Мальцев	30
Виктор Астанин	38
Елена Басалаева	54
ИННА4	60
Илона Бёд	68
Тара Роси	85
Любовь Кошелева	90
Татьяна Абрамова–Милина	106
Контактная информация авторов	110

Николай Яременко

Раскарантинился

Опасения заболеть новым вирусом сильно ударили даже не по его привычкам (постоянно мыть руки, брызгать антисептиком, принесённые курьерами продукты оставлять в прихожей на сутки – «на карантин»), а по мировосприятию. Как только на различных сайтах стали появляться таблицы с числом заболевших, а потом и карты, показывающие, в каких домах проживают больные, он на всё сразу же подписывался. Собственно, поначалу вся страна смотрела ежедневно эти таблицы. Было нечто похожее на олимпийский медальный зачет: мы пока отстаём, но скоро должны стрелять наши биатлонисты... Впрочем, он шёл дальше: каждое утро, ещё лёжа в кровати, начинал с просмотра на телефоне всех этих цифр, и только потом отправлялся на кухню, чтобы организовать себе завтрак.

Происходило это действие обычно под разные попсовые песенки, которые послушно предлагал ему ютьюб. Но и тут его подстерегали сплошь страхи и печальные мысли. Даже привычные хиты выпукло играли совсем иными акцентами. Ещё не так давно из песни «Сибирские морозы» ухо цеплялось за строчки про чужую женщину и про истерзанное сердце, но теперь Владимир Кузьмин уже честно признавался в тяжести протекания болезни: «В поту холодном просыпаюсь – боль в груди...» Какое предвидение! Двадцать лет назад написал, а как верно симптомы китайской заразы описал...

В другой песне юный ещё Дима Маликов призывал «Ты не прячь улыбку» и слышался в этом неприкрытый призыв нарушить правила самоизоляции и гулять без маски.

Но быть в четырёх стенах, пусть и постоянно отвлекаясь на работу от вечного пребывания в страхе, и при этом лишать себя радостей плотских утех – это было для довольно ещё крепкого, пусть уже и не юного организма, чересчур.

Дама на примете была. Вот только отношения ещё не начались. Был тот самый момент, когда оба уже понимают, что это случится, оба это допускают, но как-то всё время не приходит. Отношения готовы были перейти в решительную стадию сближения уже давно, но ведь не юными они уже были, да и не единственными друг у друга. А тут ещё у каждого случился домашний арест по причине карантина. Встреча отложилась.

Но любые аресты рано или поздно заканчиваются. Пало и это заточение.

- Давайте мы уже с Вами немного раскарантинимся, - набрал он знакомый номер.

Слово-то какое чудесное! Ведь в зависимости от ситуации может так значение менять. Скажут тебе коллеги по выходе на работу из домашней изоляции: «Эк тебя раскарантинило» - ясно, что иронизируют над лишними килограммами, мешающими с прежней лёгкостью вписываться в дверной проём. А тут – совсем иное дело. Это и игривое приглашение дамы на randevu с весьма конкретным подтекстом, и одновременно смелый поступок решительного мужчины, который не будет уже прятаться за медицинской маской, бояться заразиться от встречи с новой в своей жизни возлюбленной.

Он целовал её не быстро, словно пытаюсь внимательно распробовать на вкус. Он давно уже пришёл к выводу, что у каждой девушки – свой вкус. И не вкус кожи и тем более самых укромных уголков, о чём разве что ленивый не любит порассуждать, а именно вкус поцелуя. И почему-то именно именно этот этап сближения тел занимал его больше всего и рождал наибольшее число ярких образов в сознании. Последующее соитие тел – само по себе эмоциональная встряска, но можно ли представить себе человека, который во время своих поступательных движений анализирует образы, смакует их? Нет, там всё устремляется уже, словно бурная горная река несётся к водопаду, но не придёт же тебе в голову в этот момент представлять себя ручейком, который, вливаясь в поток, летит навстречу пропасти. Не до образов в этот момент уже. А вот поцелуй – это возможность как раз поиграть с образами.

У писателя Марселя Пруста герой окунал на первой странице романа бисквитное печенье в чай, и этот вкус вызывал в его сознании воспоминание, становившееся, собственно, полноценным сюжетом. Если бы он написал много таких романов, начинавшихся с разных печений, тортиков, сэндвичей, супов и салатов, каждый из которых становился б поводом для новых воспоминаний длиною в роман, это было бы совсем невозможно исполнить. Но этот принцип в чём-то напоминал бы поведение и привычки нашего героя. Каждая новая встреча была интересна ему именно своим поцелуем и теми вкусовыми ощущениями, которые он испытывал, а может, и просто внушал себе.

Белокурая полицейская из Стокгольма, с которой у него случился яркий роман длиной в несколько дней, была ухоженна, чиста, идеально следила за собой, но целовались они на берегу озера Меларен, где кричали чайки, и потому вкус поцелуя ему напоминал соленый брызг волн. Чудилось, что это рыбачка, которая спасла его из бурных волн и

теперь поцелуем возвращает свой улов к жизни. Губы ее были солёными и чем больше он кусал их, тем больше чудились ему почему-то рыболовные снасти, сети и прочие хитрости, которые должны, по логике, находиться в лодке у рыбаки.

Вкуса рыбы при этом не было. С рыбой была совсем другая история. Учительница латышского встречала его прямо в Рижском аэропорту, забирала на своей машине и отвозила на парковку неподалёку, чтобы разговаривать и целоваться. Её губы и язык работали жадно и быстро. Не сразу, но он почувствовал при одной из таких встреч какой-то странный, масляный привкус. Ба! Да именно таков вкус масла в банках из-под рижских шпрот. И навсегда осталась та латышская учительница в его памяти со шпротным привкусом. Это не имело отношения ни к ней, ни к ее внешности, ни к её просто сочащейся нежности, но вкус шпрот перебивал всё, в том числе и всякий любовный настрой.

Была жительница окрестностей Тулы, уютная и добрая, по вкусу абсолютно похожая на тульский пряник; была продавщица из Нижнего, чистый солёный огурец из хлюпающей бочки; якутка, похожая на сметану, перемешанную с протёртой клюквой...

А сегодня вкус распознать не удалось. Он не торопился, пытался традиционно не нападать, а именно распробовать вкус поцелуя своей героини. Но время шло, а образы так и не появлялись. Тело реагировало, подталкивая своего хозяина: да хватит уже, мол, со своими сюси-пуси, остальным тоже надо. Но он не мог понять, что же не так, что произошло. Ощущение есть, а вкуса нет. И тут – обожгло: не отрываясь от гостьи, он вспомнил, как утром на радио давали интервью врача, который подробно описывал симптомы. «Стойкая потеря вкуса. Вы не чувствуете еду. Не понимаете, вкусно вам или нет. Вот тогда вам точно надо к врачу. Скорее всего, вирус уже у вас внутри».

Он резко отодвинул ее от себя.

- Что-то не так?

- Вкуса не ощущаю.

Она посмотрела на него сначала немного тревожно, чуть испуганно, а потом неожиданно стала смеяться:

- Вот тут должны пойти титры!

- Какие титры? – тут уже он не понял.

- Ну, как... Главный мем этого года: «Directed by Robert B. Weide».

Ладно, пошли чай пить. Титры же не обязательно финальные!

30 лет без Венички

11 мая... Что я делал в этот день ровно 30 лет назад?

А я выпивал со своими институтскими однокурсниками – Лёшей Мананниковым и Илюшей Бражниковым. Лёша просто был умный и весёлый, а Бражников писал стихи и песни (помню только одну строчку: «А на Красной Пресне – ещё интересней!») и уже имел опубликованный рассказ в каком-то толстом альманахе, отчего уже казался состоявшимся человеком. Мы тогда были второкурсниками. Только пытались научиться правильно пить, еще не определили свои любимые напитки, но уже знали, что до хрипоты надо спорить о литературе. Мы же филологи, так о чём ещё спорить во время алкогольных возлияний?

Помню, что на следующее утро был в Ленинской библиотеке. Готовился к экзаменам. А нам тогда очень нравилось готовиться к ним именно в «Ленинке». Это было круто. Потому что попасть туда было сложно – первокурсников вообще не пускали, а со второго курса получить заветную корочку читательского билета можно было уже обходными маневрами (получить отказ в другой московской библиотеке – мол, нет тут такой книги, и тогда, со скрипом, на несколько дней, тебе выписывали временный билет в Ленинку). Иду, вооружившись стопкой нужных книг, и встречаю другого сокурсника – Лёшу Александрова, по кличке «Аллофон» (раз филологи, то и кликухи были из области языкознания). Он огоршил:

- Ты в курсе? Веничка умер вчера...

Дальше можно было не пояснять фамилию Венички, кто это такой. Годом ранее, в 1989-м, каждый из нас прочитал культовую поэму «Москва – Петушки». Ради этого все подписывались на одиознейший журнал «Трезвость и культура» - ведь там впервые опубликовали эту вещь, которая гуляла до этого 20 лет только в самиздатовских версиях!

Не знаю, зачем мы поехали на похороны. Меня тогда ещё не окружали смерти слишком часто – не было ещё набранного количества жизненных лет. Это вообще были первые похороны, на которых я побывал. Боже, эти люди видели его, жили рядом с ним, дышали одним с ним воздухом. Хотелось это впитать и запомнить.

Оказывается, сегодня ровно 30 лет прошло уже. Всё вокруг поменялось. Дружья сменились – Лёша Мананников стал Лапков и уехал навсегда в Америку, Лёша Александров после получения диплома пошёл работать в ментовку и получил пистолет, а Илюша Бражников совсем из моей жизни потерялся. Три года назад случайно нашёлся – как автор книг

и пяти детей. Попросился писать про «Динамо» в «Советский спорт», получил согласие, но тут же снова напрочь потерялся.

А вот «Москва – Петушки» стала культовой и стала классикой. Ей ставят даже памятники, она включена в обязательную программу у филологов. По ней читают лекции типа «Поэма Ерофеева как путешествие в Царство мёртвых», пишут диссертации.

Мы и пить давно научились. И напитки многим из нас доступны уже куда более экзотические, чем описанные Веничкой, но нет больше той остроты восприятия, когда ты читаешь «Москва – Петушки» в студенческом возрасте в первый раз в жизни.

Одно только осталось неизменным: типажи, которые полвека назад так точно описал писатель – они же никуда не делись. Зайдите в любую электричку. «Мне нравится, что у народа моей страны глаза такие пустые и выпуклые. Это вселяет в меня чувство законной гордости... Они постоянно навывают, но — никакого напряжения в них. Полное отсутствие всякого смысла — но зато какая мощь! (какая духовная мощь!) эти глаза не продадут. Ничего не продадут и ничего не купят. Что бы не случилось с моей страной, во дни сомнений, во дни тягостных раздумий, в минуту любых испытаний и бедствий — эти глаза не сморгнут. Им всё божья роса».

Азат Арсланов

Перекрёсток судьбы

Марии далеко уже за тридцать, жизнь сложилась не так гладко, как её самой хотелось. Нет семьи, детей, нелюбимая работа и вот, провидение её привело к перекрёстку, и предоставило право выбора. На указателе оказалось следующее, прямо деньги, налево счастье, направо любовь и стрелка, указывающая в обратном направлении в прошлое.

О своём прошлом и возврате в него Мария и не помышляла, тем более что перед ней открывается что-то новое и притягательное. Размышления над тем, куда же всё-таки следует двигаться дальше, привели вот к каким результатам, она прекрасно понимала, что деньги решают многое в жизни человека, соответственно можно потратиться хоть на что и купить для себя счастье, так что счастье само собой вне выбора. Любовь и деньги вот в чём загвоздка оказалась, любовь, а что любовь, понятие какое-то расплывчатое и не совсем понятное для Марии. Поэтому её выбор пал на деньги, она выбрала себе цель и двинулась вперёд полная решимости и энтузиазма. Выбор своей судьбы был сделан, и назад уже дороги не было, только вперёд и финансовое благополучие.

Мария оказалась на пути, о котором мечтали все её знакомые, но он открылся именно ей, двери в мир бизнеса исчезли, их просто нет и стучаться соответственно никуда не надо, всё идёт как по маслу. Внезапно она выигрывает в лотерею, крупную сумму денег, и решает их пустить в своё образование. Несколько лет занимается изучением всех тонкостей ведения бизнеса, не оставляет своим вниманием юриспруденцию, психологию отношений и изучение иностранных языков. В ней словно открылись таланты ко всему этому, словно она уже пришла в этот мир с ними. Всё настолько легко ей это давалось, что она и сама не могла себе представить, на что она способна. По прошествии десяти лет с того самого дня «перекрёстка» Мария была уже совладелицей солидной коммерческой организации. В её подчинении было огромное количество людей, в различных странах мира. Все её одноклассники и знакомые завидовали Марии и спрашивали, как ей удалось достичь столь высоких результатов, но Мария высоко подняв голову, проходила мимо и кричала им, что нужно работать и не лениться. Тщеславие достигло своего пика. Но оказалась и обратная сторона этой медали, как и всегда за всё нужно платить, работа её поглотила полностью, счастье она так и не смогла себе купить, в душе пустота,

рядом только фальшивые друзья, которым нужны только её деньги. Нервозность растёт теперь уже не по дням, а по часам, так как у неё так и не появился мужчина, которому она может довериться и полюбить. В её сознание прокрадываются мысли, что за деньги истинного счастья не купишь, а так хотелось верить в это до последнего момента. Бизнес медленно, но уверенно съедал её изнутри, силы заканчивались, опустошённость привела к стрессу, и как сама понимала Мария, это всё закончится плачевно. Так и вышло, она оказалась на больничной койке, с множеством заболеваний, её словно подкосило, и сломало. Она была готова заплатить любые деньги, лишь бы врачи поставили её на ноги, но, к сожалению, в этой ситуации деньги не совсем помогли, она была истощена внутренне, внутренних сил не было, лекарства давали временный эффект, и даже народные целители не могли ей помочь. Что делать? Вопросила Мария во всех голос, деньги не могут ничего решить, более десятка лет потратила на всё это и ради чего, ради денег. И вот Мария вновь оказалась на перекрёстке судьбы, на том самом, с которого она начинала своё шествие к богатству. Прошло более десяти лет, и вновь она стояла перед выбором, налево было счастье, направо любовь, сзади прошлое. Марии так не хватало счастья в этой жизни, она предполагала, что счастье вмещает в себя и наличие финансового благополучия, так что, она, не раздумывая, шагнула в сторону счастья.

Не прошло и года, Мария встретила на своем пути мужчину, встреча переросла в дружбу, и дружба в более тесные отношения, потом свадьба и совместная жизнь. Мужчина оказался вдовцом, и у него было четверо прекрасных детей. Ребятишки стали родными для Марии, старшей дочери было уже за двадцать, и она ждала рождения ребёнка. Бизнес отошёл на некий другой план, и ей было уже совсем не до него, она полностью погрузилась в новую жизнь, соответственно она не могла уделять ему много времени и получала только небольшие проценты от своих вложений. Но она была счастлива, по настоящему, здоровье нормализовалось. И так прошло десять лет её счастливой, как она сама считала жизни. В один прекрасный момент, эта жизнь перестала ей приносить радость и Мария вновь начала чахнуть на глазах, что могло случиться, что пошло не так, она задавалась этим вопросом всё чаще и чаще. Куда-то уходят внутренние силы, всё та же опустошённость накрывает её с новой силой, и она вновь готовится к больничной койке. Что? Что, снова не так? Кричит Мария, в недоумении, и произошло то, что должно произойти, нервный срыв, депрессия ударила кувалдой по голове со страшной силой. Мария попыталась выйти из этого состояния благодаря алкоголю, но он не смог помочь в этой ситуации. Пару лет

Мария боролась за своё здоровье и пыталась вернуть себе своё счастье, за это время от неё отвернулись уже все, включая и супруга. Время бежит и Марии уже под семьдесят, она сидит на койке в лечебнице для душевнобольных. Пьёт таблетки и ходит словно зомби, ничего не понимая. Через полгода она вновь оказалась на дороге, стрелка вперёд показывала любовь, а назад соответственно прошлое, и у неё не было выбора, как шагнуть в сторону любви.

Мир любви встретил её огромной дверью запертой на замок, она стояла и не могла понять, почему дверь закрыта. Ей ничего не оставалось уже делать, как ждать, когда кто-нибудь ей приоткроет эту самую дверь. Прошло несколько лет, дверь так и не открылась, и Мария решила исследовать причины, по которым дверь не открывается. Прошло ещё три года и Мария начала понимать, что причины кроются в её отношении, и они выражались вот в чём. Убеждения, страхи, не доверие к любви в целом и ещё многое другое, что скрывало её сознание. Как понимание всего, что происходит в её внутреннем мире, достигло некоего пика, дверь со страшным скрипом приоткрылась, и Мария с трудом протиснулась в проход. Новый мир поразил её своим величием и красотой, она словно попала в рай. Вначале ей показалось, что это всего лишь только сон и она оказалась в сказке, что такого не может быть на самом деле. Изобилие всего, о чём только мог мечтать человек, люди относятся совершенно иначе друг к другу, при каждом общении получаешь некоторый заряд энергии. При всём этом величии, мысли меняются, отсутствуют определённые цели и стремления к ним, есть только одна, быть единым с любовью и проявлять её по отношению ко всему сущему. Это новое состояние породило настоящую, не подложную радость в её внутреннем мире. Сожалела ли Мария о потраченных годах, конечно же, нет. Ей представилась уникальная возможность показать и рассказать людям о прекрасном мире любви и объяснить, что перекрёсток судьбы всегда был и есть в жизни человека, и что человек находится постоянно на нём в любой момент времени, стоит только лишь сделать верный выбор. Она прожила яркую и полную жизнь, до того, как шагнула в сторону любви, но сейчас её жизнь вновь преобразилась вместе с ней и приняла новый оборот, более яркий и прекрасный, её сознание и не могло вообразить всё величие жизни с истиной любовью.

Битва ромашей и одуванов

Главкомандующий Одуван созвал совет генералов, как и обычно в своей резиденции.

- Господа, ромашки объявили нам войну, их главнокомандующий Ромаш озвучил причину конфликта, это несанкционированное нарушение территориальных границ. Начальник штаба, не соизволите ли мне сообщить, что происходит?

- Господин главнокомандующий, на данный момент мы выясняем причины, пока ответа нет, разведка ещё не вернулась.

- Вы понимаете, уже середина месяца мая, и у нас запланирован посев на будущий год, а война может привести к частичному истреблению одуванчиков. Внимание всем, разработать план отражения атаки, возможное направление нападения противника, задействовать все силы, внести изменения в совместный план действий по переселению, согласовать всё с генералом гвардии дождя и повелителем ветров. На всё даю вам сутки, и ни минуты больше. Так, ещё, начальник штаба, срочно организовать мне встречу на нейтральной территории с главнокомандующим Ромашем, желательно на облаках. Это всё, работаем.

Начальник штаба армии одуванчиков согласовал встречу с генералом гвардии дождя и попросил помощи у повелителя ветров о доставке главнокомандующих на облако. Единственное условие генерала и повелителя, чтобы и они принимали своё участие на встрече.

Одуван, Ромаш, генерал гвардии дождя и повелитель ветров встретились, удобно разместились на облаке.

- Слушайте, цветочки мои дорогие, вы совсем с ума сошли? Воевать они решили, вы, чем думаете вообще? – провещал генерал.

Повелитель ветров взорвался смехом.

- Да они просто обезумели, бойцов в себе увидели, или вы забыли, зачем вам дал создатель жизнь. Вот сижу и смеюсь над вами, как над маленькими детьми. Конфетку делите что ли? – выдал повелитель ветров.

- Одуванчики перешли границу наших владений, тем самым нарушили договор, который соблюдался нами уже на протяжении нескольких столетий. В связи с этим я объявляю войну, и буду биться за свою территорию до последнего лепесточка, - высказался Ромаш.

- Мне и всему командному составу ничего не известно о нарушении границ, это я вам ответственно заявляю. Далее, предлагаю решить конфликт мирным путём, либо отложить военные действия до выяснения

обстоятельств нарушения договора. Нам неизвестно, кто, как и когда нарушил ваши границы, мы не обладаем никакой информацией, - проговорил Одуван.

- Нет, битва состоится через неделю, на мёрзлом плато, всё решит исход битвы. Победителю достаются все территории, вот такое моё условие. Следующее, я попрошу генерала гвардии дождя и вас повелитель ветров организовать доставку наших войск к месту битвы, и далее сопровождать битву ветром и дождём, - произнёс Ромаш.

- То есть битва, на примирение вы не согласны, хорошо, пусть будет так, - выдал Одуван.

- Хорошо, с моей стороны вы получите необходимую помощь. А вы как генерал? – спросил повелитель ветров.

- Мне интересно будет посмотреть на битву цветочков, очень интересно, никогда не видел такого спектакля, организую всё, что требуется от меня, - ответил генерал.

Через неделю обе армии собрались для битвы на мёрзлом плато, с облака за ними наблюдают генерал и повелитель дождя. Ветер стих, ни капли дождя, солнце палит. Воины в ожидании дождика и усиления ветра.

- Что, теперь действуем по нашему плану? – спросил повелитель у генерала.

- Само собой, напомним цветочкам, зачем они живут, - ответил генерал.

Близится вечер, ветра нет, солдаты с обеих сторон волнуются. Так прошёл день, второй, третий. Солдаты изнемогают от жажды, палящее солнце делает своё дело.

- Генерал, главнокомандующие просят о встрече с нами. Что делать будем? – промолвил повелитель ветров.

- Что делать? Поднимай этих вояк сюда, поговорим.

Повелитель ветров доставил главнокомандующих на облако.

- Почему нет ветра и дождя, - спросил Ромаш.

- Глупые вы создания цветы, вы что думали, что мы позволим вам друг друга уничтожить, мы служим иным целям или забыли, могу напомнить. Теперь, цветочки, вот наше с повелителем предложение для вас, сейчас мы доставим вас всех по домам, занимайтесь своими истинными делами. Территориальные вопросы мы поможем вам разрешить и ещё, несколько дней засухи вам пошли, надеемся на пользу. Вспомните своё предназначение, это радовать людей, и давать им возможность пользоваться вашими лечебными свойствами.

Предупреждаем сразу, ещё раз, хоть кто-нибудь заговорит о войне..., - не успел договорить генерал.

- Не надо продолжать, нам всё понятно, ваш урок пошёл нам на пользу, - перебил Одуван.

- Прошу вас, дать немного дождя нашим воинам и потом отправить всех по своим землям, - попросил Ромаш.

- Вот и ладненько, договорились. Повелитель, напои солдат, а потом я займусь отправкой, а вы ступайте к своим войскам, господа, - произнёс генерал гвардии дождя.

Ведьмочка Мэрри

- Приветик, мамулечка, что у нас сегодня на ужин? – выдала я.

- Привет, моя девочка, твоё любимое рагу. Пакостила сегодня?

- О да, на рынке сегодня была. Продуктов напортила, склад сожгла.

- Из тебя получится не плохая ведьма, начало хорошее, поздравляю. Вредить, вредить и вредить. Вот наш девиз по жизни.

Пирсна это моя мама, моё имя Мэрри. Мне восемнадцать и я ведьма, такая же, как и мама. На земле нас осталось несколько сотен, мы подверглись истреблению, семья Кловеров преследует нас вот уже несколько столетий. Никто и никогда не видел их, потому что после встречи с ними ведьмы погибают.

- Мама, рагу просто изумительное, спасибо. Слушай, когда ты начнёшь моё обучение? Эти детские шалости мне уже надоели, хочется чего-то более существенного.

- На днях и начнём, ты уже созрела, долго ждала, когда произнесёшь данную речь. Но сначала нам придётся спуститься в преисподнюю.

- Куда, куда?

- Да, да, доченька, в ад.

- Разве ад существует? Это же сказка, чтобы пугать людей.

- Существует, сегодня ночью мы навестим нашего хозяина.

Ад мне представлялся совсем другим. Думала, огонь, печи, котлы, демоны и чудовища, а оказалось совсем иначе. Вокруг огромного замка, по кругу движутся миллионы душ людей. Я заметила, ни одной души ребёнка здесь нет.

- Мама, здесь только взрослые.

- Да, доченька души детей до совершеннолетия не попадают в ад. Как только люди взрослеют, они принимают на себя ответственность за свои поступки, хоть этого и не сознают.

- А в чём же смысл нахождения этих душ в аду?

- Очищение, доченька.

- А мы тоже попадём в ад? Мы пакостим людям, питаемся их энергией. Чем мы лучше их?

- Нет, не попадём, мы лишь производная мыслей людей. Они сами себя обрекают на страдания, в своих мыслях. Так появляемся мы, всё просто. Ступай в замок.

- Одна?

- Да, информация только для тебя. Тебе решать, что делать?

После встречи с хозяином я не выхожу из дома вот уже несколько недель, не могу принять решение. Выхода всего два, третьего не дано. Как? Как мне поступить? Большая ответственность ляжет на мои плечи, если приму одно из решений.

Сегодня решила выйти из дома и разыскать Кловеров. Направилась в парк, вызвала снег, хоть и месяц июль на дворе. Стою у озера, кто-то хлопает меня по плечу, поворачиваюсь. Стоит симпатичный парень.

- Привет, скучаешь? Меня зовут Макс.

- Привет, Макс, очень приятно. Мэрри. Извини, но мне сейчас не до интрижек, ступай своей дорогой.

- Макс Кловер.

Меня слегка передёрнуло.

- Чего безобразничаешь? Можешь не отвечать, я и так всё понял. Что ты хочешь, Мэрри?

- Я была у хозяина и мне открылась истина.

- Какое же решение ты приняла?

- Моё решение, встать против страданий людей.

- Ты же знаешь, что произойдёт со всеми ведьмами, если на протяжении пятидесяти лет вы не сможете использовать свою магию во благо человечества.

- Да, мы будем жить сотни лет, лишённые магии, а также языка и глаз.

- Есть какие-то предложения?

- Вот только не знаю, как всё это сообщить своим сородичам?

- А ты не знала что ли? Если одна из ведьм встанет на сторону света, то все подчинятся этому.

- Неужели раньше не было ведьм, которые решились бы на такое?

- Все боятся осуждения и изгнания. Но всё немного иначе. Решение окончательное приняла?

- Да

- Начать необходимо с изменения сознания людей, открыть глаза на истинную любовь.

- Истинную любовь?

- Да, потому что только энергия любви обладает способностью создавать жизнь, лишённую боли и страданий.

Мой разум ведьмы отказывался принимать слово любовь. Решение принято и начать придётся с себя, изменив себя, смогу помочь всем.

Гвардия дождя

Вот мне исполнилось сорок дней, время призыва в ряды гвардии дождя. Я капля дождя, моё имя Джон. Всех новобранцев выстроили на площади огромного облака.

- Приветствую вас новобранцы, добро пожаловать в ряды нашей гвардии. Наш лютый враг – засуха, никогда не дремлет. Мы призваны высшими силами для борьбы с ней. Война идёт много тысячелетий и никогда не прекратится. Наша задача, не дать засухе овладеть всем миром. Всё ясно, - вещает с трибуны генерал.

- Боа, боа, боа, - скандируют новобранцы боевой клич.

Генерал продолжает свою речь. Рядом со мной находится прекрасная девушка. Обратил внимание на неё. Она посмотрела на меня.

- Привет, я Джон.

- Привет, я Энжи, - робко произнесла девушка.

- Девушек тоже берут в армию?

- Капли на небе служат только одной цели, борьба с засухой.

- У тебя были тренировочные полёты?

- Нет. А у тебя?

- Нет. Слушай, а ты веришь в любовь с первого взгляда?

- Верю.

- Ты чувствуешь тоже, что и я?

- Меня влечёт к тебе словно магнитом.

- Меня тоже. Погуляем вечером?

- Конечно.

- Всем разойтись, до особого распоряжения, - прокричал генерал.

Все капли разлетаются в разные стороны. Мы с Энжи направляемся к краю облака, присаживаемся.

- О чём поговорим? – спросила Энжи.

- Ты веришь, что после битвы мы получим вторую жизнь?

- Я спрашивала у бабушки, она говорит, что вторая и последующие жизни возможны. Всё зависит от того насколько ты погрузишься в землю.

Чем глубже, тем шансов всё меньше. Наши компаньоны солнце и ветер освобождают нас от гибели. Другое дело, если попадёшь на северный полюс. Там вечная жизнь. Обретаешь облик снежинки и живёшь в своей колонии. Ничего интересного. Никаких путешествий и приключений.

- Не хочу быть снежинкой, хочу приключений и любви, хочу быть только с тобой, путешествовать по небу и земле.

- Мне тоже этого хочется. Ты не знаешь, кто проводит распределение по материкам?

- Нет. А что?

- Подумала, что после битвы, мы могли бы вновь воссоединиться, не хочу тебя терять.

- Мне тоже хочется быть с тобой вечность. Может, на полюс рванём?

- Нет, нужно отдать долг небесам.

- Согласен.

Я прижался к ней. По моей водной душе прокатилась теплота. Мы слились в одну каплю. Такого наслаждения я не испытывал в своей жизни, возможно и не испытаю уже никогда. Мы отдались любви, и только боевой клич привёл нас в реальность. Как не хочется разделяться и быть вместе всегда. Мы разделились и поспешили на площадь.

Многочисленная армия собралась на площади.

- Бойцы, сегодня предстоит очередная битва. Задача, держать строй, не сбиваться в группы, держать интервал. Каждый миллиметр земли должен быть пропитан влагой, - провозгласил генерал.

Генерал поднял руку.

- Боа, боа, боа, - прокричал он во весь голос.

- Боа, боа, боа, - вторят в ответ солдаты.

- Слушай приказ. Все направляемся к боевой туче и по команде начинаем атаку, - проговорил генерал.

Я посмотрел в сторону и увидел ту самую боевую тучу. Она была огромных размеров, тёмная, что-то внутри грохотало.

Прозвучал клич к атаке.

- Будь рядом со мной Энжи.

- И ты не теряй меня из виду.

Армия рванула вниз. Моё первое боевое задание. Справлюсь ли? Энжи летит рядом со мной.

- Как ты? - спрашиваю у Энжи.

- Страшно. Как ты?

- Нормально.

Удар о землю, теряю сознание. Сколько был в отключке, не помню, пришёл в себя в реабилитационном центре.

- Энжи, Энжи, - еле прохрипел я.

- Тихо, всё хорошо, ты на реабилитации. Через некоторое время придёшь в себя. Сейчас я тебе сделаю укол росы, это подкрепит тебя, - проговорила, находящаяся рядом, медсестра.

После укола я погрузился в сон. Снился тот самый вечер перед боем, когда отдыхали на краю облака. Прихожу в себя. Осматриваюсь. Рядом со мной огромное количество бойцов. Снуют медсёстры и врачи. Ко мне подлетает врач.

- Как ты себя чувствуешь, Джон, - спросил врач.

- Всё хорошо. Где Энжи?

- К сожалению, такой боец к нам не поступала.

- Мне нужно к генералу.

- Поступай, как считаешь нужным.

Генерал находился на краю облака. Я приблизился к нему.

- Разрешите обратиться, генерал, - робко проговорил я.

- Слушаю тебя солдат.

- Я потерял свою подругу.

- Группа спасателей, во главе с генералом ветров уже направились на поиски уцелевших.

- Как мне узнать, жива она или нет?

- Списки уцелевших бойцов в канцелярии армии. Главное верить, солдат. Я и сам потерял свою любовь в битве над пустыней. Её разорвало на моих глазах. Она даже не успела долететь до земли. Высокая температура сделала своё дело. Верь и надейся.

- Генерал, могу я у вас попросить?

- Спрашивай, Джон.

- Пожалуйста, не могли бы вы меня распределить снова на этот участок?

- Зачем тебе это? – с удивлением пробормотал генерал.

- Возможно, смогу отыскать её след.

- Хорошо. Следующая атака завтра утром. Не забудь про уколы, ты ещё слаб.

- Спасибо, генерал.

Генерал улетает куда-то вдаль. Я остаюсь на краю облака.

- Где ты милая? Что с тобой? Я найду тебя.

Так, мне нужно вспомнить. Энжи летела рядом. Я пролетаю большое дерево и.... Дальше ничего не помню. Мне нужно это большое дерево.

Рассчитав траекторию полёта с учётом скорости ветра, я должен попасть именно в то место, где потерял Энжи. Слышен боевой клич, армия устремилась вниз. Лечу, вижу то самое дерево. Нужно менять курс. Иду на дерево. Удар, меня кидает в разные стороны. Закрепляюсь на одной и ветвей.

- Энжи, Энжи, - кричу что есть силы.

- Не кричи, разбудишь всех.

- Кто ты?

- Капля смолы, - прозвучал ответ из глубины дерева.

- Вы видели Энжи?

Ответа не последовало.

- Эй, вы слышите меня? Смольники.... Ответьте.

- Спустись на пару ветвей вниз.

Такого я ещё никогда не делал. Придётся трудно. Скатываюсь, лечу, удар о ветку, лечу, удар, закрепился.

- Джон, Джон, Джон, - слышу голос Энжи.

- Энжи, ты где? – кричу.

Ползу в ту сторону, откуда звучал голос. Разворачиваю листья, вижу Энжи. Рядом с ней сидит капля смолы.

- Мы откачивали её как могли. Она обезвожена. Благо утром был туман, собрали для неё что могли.

Подползаю к Энжи, прикасаюсь. Отдаю часть воды своей возлюбленной.

- Милый, это ты? – прошептала Энжи.

- Я моя дорогая, я. Ты спасена. Обещаю, больше никогда не оставлю тебя одну. Я люблю тебя.

- Я тоже тебя люблю, Джон.

Марина Пономарева

Иллюзия счастливой жизни

На фото у всех такая яркая, интересная жизнь.

Вот, например, девушка такая милая и улыбчивая. Глаза ее сияют от счастья. Рядом с ней муж нежно обнимает ее. А какие талантливые у них дети! Голубоглазая девчушка выступает на сцене. Есть видео. Так задорно поет и танцует. А их сын такой весь важный, такой серьезный парень стоит на пьедестале с кубком в руке.

А вот и молодая пара. Недавно поженились. Где это они? Здесь и пленительные улочки Парижа, и завораживающие каналы Венеции, и разноцветные пляжи Санторини. Ну, просто рай, а не жизнь.

В каждом снимке есть что-то радостное и светлое. Когда смотришь на чужие фотографии, думаешь, что все они счастливы. И только ты нет. Но свою жизнь ты знаешь, а в чужой видишь только то, что тебе показывают. Завидуешь им? А не стоит. Все обман. Лишь иллюзия счастливой жизни.

Ведь никто не будет фотографироваться, когда плачет. И ты никогда не узнаешь, сколько синяков на теле у этой, на первый взгляд, счастливой женщины. Тебе никто не покажет свои неудачи, лишь грамоты и медали. Найдешь на страничке сотни снимков со свадьбы, а о разводе тебе и не скажут. Никогда не знаешь, что на самом деле спрятано за этими красивыми картинками.

Все постоянно гонятся за счастьем и красивой жизнью. Не имея таковой, создают ее искусственно. Убеждают в этом всех вокруг и в первую очередь себя самого. А зачем?

Хватит создавать иллюзию. Начните жить. И если вам чертовски повезло, и вы сейчас находитесь на каком-нибудь чудесном острове, тогда дышите полной грудью, любуйтесь живописными пейзажами вокруг и выбросите свой фотоаппарат в море. Вернитесь домой, прихватив с собой гору незабываемых впечатлений и эмоций, гармонию в душе, а не кучу селфи, чтобы похвастаться другим. Вот тогда я вам действительно позавидую.

В невидимых клетках

За нами постоянно наблюдают. Как вам это?

Вот, например, в магазине. Ходишь с подругой. Примеряешь кофточки, юбочки. Рассказываешь свои секретики. Вдруг видишь... Камера. И как-то сразу становится неудобно.

Или сидишь в кафе с любимым. Руки сами тянутся его обнять. И снова... Камера. Прямо смотрит так пристально.

Одна в автобусе. В ушах наушники. За окном темно. Расслабляешься. Слушаешь любимую песню. Мысли уносят тебя куда-то вдаль. Начинаешь подпевать. И тут замечаешь... Камера. Возвращает тебя в реальность. Замолкаешь.

Приходишь забрать ребенка из спортивной секции. Ждешь. Ходишь из угла в угол. Занимаешь свободное место на диванчике. Строишь на свое отражение в зеркале. Видишь не только себя... Камера.

После тяжелого трудового дня в офисе, в окружение также многочисленных камер, идешь домой. Подходишь к подъезду. Камера. Первая встречает тебя.

Уже в лифте. Камера.

Наконец, у себя в квартире. Можно выдохнуть. Камер нет! Или все-таки есть?!

Круглосуточно ощущаешь себя участником реалити-шоу. Хотя, по сути, никому до тебя нет дела.

Мы словно в невидимых клетках: всегда под присмотром. И временами хочется жить где-нибудь в лесу. Там, где мы будем по-настоящему свободны.

Ее истинное прикосновение

Как-то я видела фильм, в котором главная героиня уходит из дома, поссорившись с родными. Одноклассник, по уши влюбленный в нее, видит, как она идет с вещами со слезами на глазах. Он приглашает ее к себе. Она соглашается, несмотря на то, что терпеть его не может. Как?! Как она так легко и смело могла уйти из дома? Бросила все! Согласилась пойти к человеку, который ей не приятен! Я бы так ни за что не смогла. Во мне нет такой силы и отваги.

А препод, в которого влюблена эта героиня... Как она могла три года, тайно любив его, вдруг сесть к нему в машину и начать целовать? Вот так просто. Я была немного в шоке от ее поступков. Да! Я ей завидовала. Почему мне, некогда тоже влюбленной студентке, не хватило духу сесть в машину к преподу и осыпать его жаркими поцелуями? И пусть бы он меня послал, и не захотел бы больше даже видеть, но я рискнула бы. Я бы выплеснула давно живущие во мне страстное желание. А вдруг все было бы не так...

Страх... Откуда он берется?

Страх сковывает нас. Он не дает нам насладиться жизнью. Мешает ощутить ее в полной мере. Мы сами бежим от нее прочь, так и не познав ее истинного прикосновения. Кто знает, скольких радостей и чудес мы сами себя лишили? И все это лишь из-за страха. Мы не можем делать все, что мы хотим. Желание должно быть сильнее страха, а пока страх побеждает, ничего не будет.

Порой это трудно. Это очень трудно. Но, может, если мы все-таки прогоним страх, наша жизнь будет как в кино?!

Если у тебя есть любовь

"Если у тебя есть любовь, то тебе больше ничего не нужно. Если у тебя нет любви, то не имеет значения, что у тебя еще есть". (Джеймс Берри)

Я возвращалась с работы домой. В голове крутились какие-то мысли. Я строила планы, чем займусь после рабочего дня. Хотелось съесть что-нибудь вкусненькое, выпить вина, посмотреть комедию, завернувшись в теплый плед. Или можно позвонить подружкам. Думаю, неплохо было бы сходить куда-нибудь потанцевать. В общем, вариантов было много. Настроение было бодрым, можно даже сказать радостным. И я была готова чудесно провести этот вечер.

Неожиданно вдалеке я увидела знакомый силуэт. Этого человека я не встречала уже несколько лет. Всего лишь за одну секунду во мне все переменялось. Хотя, наверное, даже меньше, чем за секунду. Не могу описать словами, что произошло в моей душе. Состояние было, как будто из меня выкачали все желания, все идеи и планы. Всю жизнь. Только что внутри себя я ощущала какое-то спокойствие, счастье, тепло, и вдруг в один миг это бесследно исчезло. В голове мелькнула мысль: « Я не хочу жить». В тот момент я поняла, что все вокруг было обманом: моя увлеченность работой, новыми идеями, занятие танцами, походы, кино, встречи с друзьями. Я вдруг осознала, что на самом деле ничего этого не хочу и никогда не хотела. Это все лишь способы отвлечься, забыть, заглушить боль и тоску. Все достижения и успехи, все мечты и цели сразу не имеют смысла, если у тебя нет любви.

У тебя может быть абсолютно все: хорошая работа, свой дом, деньги, интересные увлечения, поездки, друзья. При этом ты можешь быть действительно счастлив! Я всегда думаю, а почему нет? Это лучше, чем неудачный брак, скандалы в семье или того еще хуже. Сначала тебе кажется, что в твоей счастливой, но одинокой жизни есть какой-то смысл, но рано или поздно стоит тебе, скажем, влюбится, или встретить человека, которого ты любил когда-то, ты понимаешь, что это не так. Вот и я вижу теперь перед собой человека, которого до сих пор люблю. Когда-то я заставила себя забыть об этом, погрузившись во все то хорошее, что у меня теперь есть. А его силуэт, лишь мелькнувший вдалеке, дал мне понять, что на самом деле у меня ничего нет...

Антон Юрченко

Die blaue blume

Смотря на площадь, я не искал её, ведь знал, что она и сама словит мой взгляд. Я жаждал обхитрить, как лиса, проворно замечая следы, так и я собирал угольки своей пылающей всеми оттенками любви.

На полуслове, сорвав с пика мечтаний, она подлетела, и сделала выпад: "Привет, мечтатель".

И снова проигрыш. Сказав себе: «Меня обманывать не трудно, я сам обманываться рад».

Оставил раздумья. О, воистину, каждая встреча была походом в галерею. Как всепожирающе глаза юного творца смотрят на картины, так и я рассматривал её с нескрываемым восторгом.

Но, как и всегда, это упоенье оставляло неизгладимый след, и трудно разобрать детали. Кроме башмачков. Люди возраста, в коем современная музыка не кажется таким уж и откровением, назвали бы их парусиновыми. «Что за дивный артефакт?» - подумал я, но не решился спросить, боясь оттянуть момент объятия. Поэтому сделал это во время. Она была что ни на есть *noblesse oblige* от мира красоты.

-Что ты такой угрюмый, как туча?

-Тебе кажется, не бери в голову, просто глупости.

-Ну держись, обманщик!

Когда она залезла на меня, то подогнула ноги, как упавшая балерина, и, поцеловав мою щеку, прижалась ко мне... Как жена, да, так это было, и как жену обнял и я её.

В такие моменты я не старался говорить ни о её тонком стане, ни о налитых грудях и тугих бедрах, нет, это я делал в сознании. Такие размышления были долгими и не особо полными смысла. Многим иногда казалось, как они близоруко называли «Отсутствием страсти». Их мнение резко менялось, когда они видели нас пробегающими мимо, где я, во всю спотыкаясь бежал за этой злодейкой, нагло урвавшей у меня блокнот с записями.

Если бы они знали, что значит для неё этот скоп бумажек. Она не любила стихи, они казались ей чем-то столь отдаленным от реальности, чем-то столь далеким от этого мира. Как она говорила: «Абсолютно ненужным графоманством». Только потом я увидел её, скорее тут подойдет термин «Нагую», в своей беззащитной страсти к миру искусства. В начале я просто читал ей стихи, которые были мной выучены еще в школьные годы на задней парте класса во время урока. Позже, выбирая из многоликого множества произведений, я вычитывал ей

самые разные «виньетки» из коридоров поэзии. И она, насытившись этим, в одну из вечерних пор в парке, зачитала мне (и к моему огромному удивлению), спела под гитару песню «Прощание с новогодней ёлкой». О дивный новый мир тогда разверг свои просторы предо мной. Сказав себе: «Именно она и есть тот самый камень преткновения эпох и мнений», взял её за руку и закружил под полотном звезд. Конечно, это не была абсолютно уверенная в себе «Лебёдушка», но это было смущение, кое испытывает ребенок, нет, женщина, что оправдывается перед мужем за свою пылкую страсть, и любовника упрятавшегося на балконе. Я был её любовником повседневности, как она сама любила говорить (Без доли смущения, по крайней мере, так казалось мне): «Спасибо тебе, любимый, что не опустил колена перед моей прагматичностью». Беря мою руку своим крылышком, и прижимая голубиную шею к моему плечу.

Для меня она всегда была строгой сталью в броне из черного шелка, а я, в свою очередь, огнем в кармане. Хоть иногда мне приходилось бывать и рыбкой, и светилом на небе, но моим излюбленным было «Тошенька».

Было почти темно, солнце опускалось за горизонт, и, уставив свои взоры на белого голубя, что пытался тайно украсть кусок хлеба, как обезумевший агент, мы предались мечтаниям и обсуждению на тему «Почему они так изящно вписываются в лабиринты городов».

Окончив «Трапезу», тихо и украдкой спросила:

- Скажи, а ты специально выбирал цветок для моей мамы, или пришел и ткнул пальцем на случайно попавшийся.

- Абсолютно случайно, мне казалось, он идеально подойдет под ваши с ней глаза.

- Ты как обычно, зануда.

Протянув букву «у», так, чтобы это было не оскорбление, а заигрывание котенка, продолжила:

- Как у тебя всегда это получается, так невинно угадывать?

- Это не моя вина, это все ты, виновница!

- Снова спихиваешь на меня свою прелесть, и тебе не стыдно?!

Все, абсолютно все вокруг, и мы, подсказали мне в переломе момента, что либо сейчас, либо никогда.

Эти слова я вынашивал долго, заворачивая их в самые причудливые обертки, крутя как обманщик на базаре наперсток, перебирал их.

Позабыв все что я себе думал, выхватив как шпагу мушкетер, вынул из кармана винного пальто собрание стихотворений Франтишка Галаса и начал читать.

Мое сердце билось стуком колес пассажирского поезда, слова и фразы бегали по устам, и, казалось, отдают током на кончике языка.

-Воспоминаний давних берут опиум.

Это была предпоследняя строчка моей интерлюдии, набирая воздух в легкие я скрывал холерический трепет. Подняв глаза, и увидев несущийся ко мне с неостановимостью кометы деву, я потерял последний мост с центром самообладания.

-Я люблю вас, родная тыковка!

Стеснение

Присев за стол, на котором стояла табличка с надписью «réservé», я огляделся в поиске официанта. В этой «Hospůdka» как её величали и как стал называть её я, работала чудная официантка, словно сошедшая с постеров пин-апа 80-х. Дивная улыбка, что не имела ни начала, ни конца «С твоим голосом , телом , именем...». Когда она подошла, мы поприветствовали друг друга, словно мы знакомы сотни лет. Автоматически я заказал бокал пива, картошку, в общем, стандартный набор «Пионера».

Ясное небо сменилось влтавным покрывалом стремительно, так же тушится ненужная свеча уставшим читателем. Небрежность штукатурного неба так же подчеркивалась белыми следами шпаклевки самолетов. Картина резко сменилось чьей-то головой, промолвившей «Здарова». Я обманул себя, когда спросил себя «Кто же это?». Этого Де Буффлера абсолютно не трудно узнать, к тому же, имя совпадает, да и взгляд на мир - тоже. Первые пару минут диалога (честно признаюсь самому себе) никогда его не слушаю. Постольку поскольку, именно в них он начинает путаться, не знает с чего начать, я бы сказал, что лучшее из этих мгновений — приветствие. Как девочка отличница в первый день университета, он переминался с ноги на ногу у трибуны. Всегда в голову лезла аллегория с кинетической энергией, если бы он не тормозил иногда без причины, так же резко, как толчок в трамвае на главной улице Вацлава. Начало беседы всегда скучно — это обмен тем, как и где кто ходил, для чего был приобретен тот или иной товар, и зачем было удалено то или иное. Его тон начал меняться стремительно, когда он заговорил о своей подруге. Невооруженным глазом было замечено, что эта тема его крайне волнует, ведь отношения — то что касается лично тебя (твоей несостоятельности, слабости, боязни, страсти и многого другого, о чем не принято говорить). Перебирая пальцами по столу, другой рукой я нащупывал пачку сигарет в левом кармане, что заканчивался на середине бедра, я подтянул маленькую аккуратную пепельницу и закурил. Облака

дыма распускались, я немного вжался в плетёный стул, приспустив торс на уровень, где раньше были ягодицы, и начал внимательно слушать. Он так же не сидел «сложив руки», хотя те были сложены перед ним, и лишь изредка он манипулировал ими для того, чтобы нарисовать круг или очертить параболу её талии. Чувствовал себя он довольно раскованно, пиво произвело свое влияние. В голову приходили разные строчки - я иногда его перебивал, он робко останавливал диалог, слышал язвительный комментарий и не ловко продолжал. Как раз к концу первого бокала, по расписанию, принесли пару ножек и картошку. В косых лучах, скользящих по его лицу, он был похож на Царского Арапа.

Часовая история, скорее исповедь, была окончена явным вопросом-провокацией, мол неужели я так плох. И правда, неужто он так плох собой?

Ответ – нет. Скорее слишком хорош, для этих менад. Я всегда ему сопереживал и, пожалуй, хотел, дабы он был, как минимум, удовлетворен жизнью, хотя бы по причине его честного поведения и душевной чувственности. Трагичности придавал маленький абжур на лампе, кирпичного цвета с маленькими кружевами (скорее всего ручными), было ощущение начала 20-30-х годов. Жаль, что сейчас их почти не осталось. Наливая пиво в бокал (импортное, бельгийское) похожий на здание Empire state под углом $\frac{1}{4}$ всем нам известного числа, я уж было открывал рот, но меня прервал крик на другом языке, коей кричал как глашатай посреди деревни: «Ты осмелился меня ударить?!». Это были случайные прохожие, с необычной внешностью, похожие на людей, которые могли бы попасть под суд 1964 года, но они были бы обвинены полноправно. Как Арлекино из огня вышел полицейский, а за ним и второй. Ни давая продыху, драма развернулась стремительно. Такие истории заставляют думать тебя совершенно по-другому. Начиная с их вида: как они одеты, мог ли он её ударить, почему она такая агрессивная? Этот неконечный ряд подобных вопросов бросает вызов твоему опыту и умению быстро делать выводы. В голове крутят танго разные теории, а ты являешься творцом всего на свете. Одной из самых главных деталей такого действия является сто процентное притяжение взоров всех, кто был в радиусе слышимости данных пар. Ничто, окромя, пожалуй, аварий не способно так резко и внезапно перехватить инициативу рассказов.

И тут, внезапно для самого себя, я собрал паззл:

Она - истеричная, избалованная, и абсолютно не знающая правил приличия, растрепанная с сальными волосами и совершенно безвкусным нарядом - терроризирует этого мужчину. Он далеко не идеален, наряд типичного среднего класса, но с милостивым лицом. Махая руками, царапая его лицо, она выкрикивала несвязные предложения.

Удивительно, как случайная история пролила несказанный свет на ситуацию моего собеседника. Мы словили друг на друге этот взгляд - контакт абсолютного понимания. Он кивнул и удалился.

Вадим Мальцев

(г. Таруса)

Покорители телеящика

«Всё, хватит! Завтра обо мне вы услышите! Мне будут подражать, у меня появится армия поклонников и, особенно – поклонниц!» - неожиданно заявил Петя Почёсов, после просмотра очередного телешоу.

В общем-то шоу – дрянь. Как обычно, собрались зрители, чтобы обсудить причуду очередного идиота, который решил удивить весь мир тем, что выкрасил свою морду в синий цвет. В ноздри «герой» продел кольцо, которое наверняка стащил с соседней фермы у быка, приговорённого к поеданию.

Раньше, за подобные чудачества, он запросто мог загреметь в психушку, но сейчас – другое время! Пресса смакует их творческие потуги, а телевидение вмиг может сделать из очередного чудика национального героя.

Петя Почёсов очень любил эти телепередачи. И настал день, когда желание попасть на телешоу овладело им настолько, что без него он уже не мог ни есть, ни спать, ни... ни выполнять другие, важные для организма функции.

- Петенька, ты чего опять задумал? - всплеснула руками мама, - опомнись!

- Мамаш, ты ничего не понимаешь! Отстала ты от жизни - глянь, чем мир дышит!

Мама включила телевизор. На экране появилась слащавая блондинка, решившая удивить весь мир количеством своих партнёров. Судя по подсчётам ведущего, за сутки она успела осчастливить такое количество страдальцев, какое встретится не каждой девице лёгкого поведения за месяц напряжённого труда.

- Петенька, так это же шоу! На него и приглашают только дураков, на которых делают деньги!

- Ничего ты не понимаешь! Они – знаменитости, - огрызнулся Петя, краем глаза наблюдая, как на сцену выползло очередное диво.

- Петя, а вот твой дедушка ...

- Знаю я, кем был дедушка! И что ему это дало? Нищенскую пенсию?

- Петя, но ведь не это главное!

- А что главное? Ты посмотри, как люди становятся мгновенно знаменитыми! А дед наш? Забыла, как он всю жизнь искал правду? И как, нашёл?

- Петя, а может тебе в библиотеку сходить? Глядишь, найдёшь для себя что-нибудь интересное, для развития!

-Конечно! Ты там все книги перечитала, и что дало это развитие тебе? Зарплату в три копейки? Ха! Лучше уж как в телевизоре – выкрасил морду, и ты герой! Тебя все узнают, в интернете – миллионы поклонников, бабки текут рекой. Вон, смотри!

Мама покосилась на телевизор, где пара блондинок вцепилась друг другу в волосы, не поделив богатого любовника. Сам любовник тихо сидел в сторонке, видимо поставив на победительницу.

- Ну и что, Петя, это ведь мочалки грызутся за папика.

- Эти мочалки имеют в день больше, чем ты, мать, заработала за всю жизнь. Так что отвянь от меня со своими совковыми идеями - я принял решение!

Раз решение принято – надо его воплощать в жизнь. Но как?

- Петюнь, ты серьёзно хочешь сделать нечто, - Удивился его школьный друг Макс.

-Хочу!

- Молодец, круто! А что?

- Не знаю пока. Может, морду в синий цвет выкрасить?

- Банально, этим уже никого не удивишь.

- Тогда кольцо в ноздри!

- Тупо. Сейчас кольцо в ноздрях – всё равно, что в ухе или ещё где. Устарело.

- Тогда не знаю. Давай, вместе придумаем. Ты же меня всегда выручал в моих творческих потугах!

Следующие несколько дней прошли в поиске. По причине устарелости были отмечены всякие там пирсинги на разных местах, раздвоенные языки и прочие подобные штучки. Нужно было нечто, что ещё никто и никогда не делал! Если удастся придумать, то слава точно обеспечена!

- Петюнь, я, кажется, придумал! – радостно возвестил Макс через несколько дней душевных терзаний.

- Говори, не томи.

- В общем, так. Идея проста, как те два пальца, которые, как ты знаешь, очень легко...

- Знаю, не тяни!

- Так вот, я продаваю тебе два кольца в ягодицы – по одному в каждую, на кольца вешаю замок. Ключ хранится у меня.

- Круто, смело, креативно, - восхитился Петя, - а главное – никто такого не делал. А как же я...

- А в этом и есть весь смысл! – продолжил Макс, польщённый тем, что его идея пришлась по вкусу. - Ты становишься как бы зависимым от моей воли. Я – деспот, а ты – жертва, но добровольная. Это должно привлечь внимание!

- Так, понимаю, когда мне приспичит - я зову тебя, и в твоей власти дать мне шанс, или нет! Верно?

- Всё верно! Публика очумеет, девки будут рыдать и сами бросаться тебе на шею. С другой стороны – будут и те, кому по вкусу придётся деспот.

- Ага, и сам выгоду чувствуешь?

- А как же без неё в наше беспокойное время!

Дело пошло. В салонах, по внедрению металлических частей в организмы желающих удивились необычным заказом, но если клиент платит, то почему бы не пойти навстречу?

Увесистые кольца вскоре заняли свои места, а их союз скрепил кодовый замок.

- Почему кодовый? - разозлился Петя, говорил я тебе – купи амбарный, с ключом.

- Какой первый подвернулся – тот и взял, - обиделся Макс, - код всё равно буду знать только я.

- А-А-А, тогда понятно! Только код хорошенько запомни, и на бумажку запиши...

«Событие вселенского масштаба! Новое шоу Митяя Вертопрахова обещает встречу с неведомым доселе чудиком, решившим закрыть свой зад на замок! Шокирующие подробности необычного решения! Как, кто и почему надумал его сделать это? Может быть это - форма протеста, или наоборот – новое философское течение! Об этом расскажет он сам!» - усердствовал Митяй на своём телешоу «Почешем языками».

Миллионы зрителей прильнули к экранам телевизоров – наконец появилось нечто свежее! Несколько месяцев шли разбирательства одно скучнее другого - сначала многочисленное потомство доказывало свою генетическую принадлежность к недавно отбросившему коньки жулику. Страсти кипели – на кону были сотни миллионов долларов, и потомство

то доказывало любовь к почившему папаше, то предлагало провести ряд экспертиз – в общем, было скучно до тех пор, пока все не перегрызлись прямо в студии.

Параллельно шёл делёж имущества престарелого чиновника, который недавно развёлся с молоденькой цыпой. Цыпа уверяла, что брак был заключён по любви, несмотря на возрастную разницу в семьдесят лет. В знак тяжёлой утраты и разлуки с любимым мужем, она просила оставить ей на память какую-нибудь мелочь – например, имущество чиновника, непосильным трудом укра... заработанное за долгие годы службы отечеству.

Но это всё уже порядком надоело зрителям, и чтобы спасти дело, нужно было нечто! «Нечто» явилось – в лице Пети с Максом.

- Ну, Петюнь, сбывлась твоя мечта – теперь от тебя не отстанут! – довольный Макс потирал руки, взирая на горящие восторгом глаза публики.

- Что-то мне не по себе! – немного оробел Петя

- Не с... страдай! Скажи, что твоё решение – форма протеста!

- Против чего?

- А против всего миропорядка!

Действие началось! К пацанам приблизился кумир современности и баловень судьбы – сам Митяй Вертопрахов и начал задавать свои нескромные вопросы.

Публика редела. Вопросы сыпались один за другим – всем хотелось сфотографироваться с героями, потрогать их, а многочисленным девицам – даже ущипнуть.

- Ой! – воскликнул Петя после очередного щипка, - что-то шоу затянулось.

- Ничего! – успокоил его окрылённый Макс. Зато мы сделали всех! Скоро о нас узнает в интернете весь мир! Завтра мы проснёмся не просто знаменитыми, а ещё и богатыми!

- Я понимаю, но время идёт, а мне надо туда...

- Туда? А потерпеть нельзя?

- Нет. Не знаю, что было в том коктейле, что мы выпили и из чего приготовлена та пицца, но мне надо и очень срочно!!!

- Вот, блин, всегда у тебя так не вовремя! Иди, а я буду отвечать на вопросы.

- Код замка назови.

- 5861

Петя умчался, а Макс продолжал отвечать на вопросы публики, ещё более разогретой исчезновением главного героя.

- Макс, ты назвал неверный код, - дрожащим и немного визгливым голосом пропищал ему на ухо Петя, вернувшись через пару минут.

- Как неверный? Наверное, переволновался и перепутал. Попробуй тогда 5661.

- Точно?

- Иди и не морочь голову!

Петя опять умчался. Публика была заинтригована. Наибольшего накала страсти достигли, когда он вернулся вновь. Глаза его блуждали, руки дёргались, а ногами он выделял странные движения.

- Говори, ггад, верный код! – казалось, Пётр сейчас сделает непоправимое.

- Не помню, - захныкал вдруг Макс, - забыл.

- А бумажка где, на которой ты код записал?

- Я её п-п-потерял, - испугался Макс. – Попробуй номер 5886 – точно работает.

Но ни 5886, ни 5868, ни даже 7612 не помогли – замок не хотел расставаться с кольцами ни под каким предлогом.

Кажется, публика начала догадываться о произошедшем. Мнения разделились. Большая часть прониклась страданиями Петюни и яростно отстаивала его философию, по их мнению, воспитывающую железную волю и терпение. В адрес Пети посыпались советы, слова поддержки и другие лестные знаки внимания. В адрес Макса летели брань и обвинения в деспотизме и тирании.

Вторая, меньшая часть, приняла сторону Макса, и доказывала, что таких слабовольных, как Петя давно пора сажать на цепь и не только вешать замок, но и одевать ошейник.

Довольный Вертопрахов, не ожидавший подобного поворота, потирал руки – эффект будет, и какой!

Эффект случился довольно быстро.

Сначала в студию ворвался измождённый Петя, пришибленный вид которого говорил, что схватка с замком в очередной раз проиграна. Он метался и ревел, чем привёл зрителей в ещё больший восторг. Потом он набросился на Макса и, отчаянно матерясь, принялся его трясти, как вдруг раздался странный, резкий и неприятный звук – как будто где-то с шумом передвинули шкаф. В тот же момент Петя взвизгнул, схватился за замок, но было уже поздно. Неудержимые силы природы на этот раз победили! Мощная сила вырвала одно из колец, освободив путь всему, что так долго сдерживало хитроумное устройство.

Публика замерла. Увиденное шокировало всех. Несколько минут тишину нарушал лишь вопль Пети, получившего ранение, да

повизгивания Макса, пытающегося успокоить друга. - И вот, наконец, мы пришли к финальной сцене нашей передачи, - нашёл довольный Митяй. – Через страдания - к освобождению, не так ли, Пётр?

- Так, - взвыл Петя.

- Несмотря на деспотизм Макса, Пётр нашёл в себе силы освободиться от пут и стать полноправным членом нашего общества! - подвёл итог Вертопрахов, чем вызвал бурю аплодисментов.

Публика ревела! Друзья добились своего - теперь их затея принесёт долгожданную славу! С чувством глубокого удовлетворения они покинули зал, не сомневаясь, что жизнь прожита не зря.

«Благодаря этим дебилам рейтинг моего проекта «Почешем языками» повысится, - подумал Митяй, провожая взглядом счастливых. – О ком делать следующую передачу? Может, про развод чиновника со своей цыпой? Пожалуй, нет – весь прошлый год о них только и болтали. Тогда может о дележе наследства известного политика? Тоже не пойдёт – от него уже всех тошнит. А позову-ка других двух кретин, подобных этим! Например – двух голубых любовников, решивших скрепить свои отношения узами брака. Народу подобное сейчас нравится, а на идиотах я делаю неплохие деньги!»

Мозги на помойке или 452 градуса по Цельсию

«Ох, и достал же этот радикулит окаянный», - пробурчал Толстой, - нехотя выбираясь из старой картонной коробки.

В глаза ударили лучи яркого мартовского солнца; Лев Николаевич зажмурился и раздавил блоху, запутавшуюся в дебрях его могучей бороды.

Картонная коробка была не только его пристанищем – с недавних пор она стала домом и для остальных книг, перекочевавших с полок читателей на городские помойки.

«Однако, пора уже приступать к завтраку! Куда же запропастился наш поэт? - нетерпеливо пробурчал классик, - небось, опять оду сочиняет, вместо того, чтобы найти чего-нибудь!»

- Доброе утро, граф, - весело окликнул его Александр Сергеевич, - сегодня у нас знатный улов! Уже давно не выбрасывали таких вкусных вещей! Глядите – просроченные консервы, зелёный хлеб, тухлая рыба и недопитая бутылка изысканного самогона! Мы устроим небывалый пир – как тогда, на балу, помните?

- Ах, балы, как давно это было! – Лев Николаевич вздохнул и шумно высморкался в подол рубахи, - но надо жить здесь и сейчас. Давайте не

ворошить прошлое, а лучше приступим к трапезе. Кстати, как вам удалось раздобыть столько снеди?

- Благодарите Тургенева! Он обшарил южный склон мусорной кучи. По дороге встретил Достоевского – он и откопал эту чудную настойку самогона на дихлофосе. Погуляем теперь на славу!

- А раньше, господин Пушкин, мы пили только выдержанное вино и коньяк!

- Забудьте, Лев Николаевич! Однако, где же они?

Появился Иван Сергеевич, вместо трости он элегантно помахивал обломком старого костыля. За ним важно шествовал Достоевский.

- И какой это идиот вздумал отправить нас на свалку? – не унимался Фёдор Михайлович.

- Наверное, мы свершили какое- то преступление, вот и понесли наказание, - предположил Тургенев.

«Бедные люди, - подумал Лев Николаевич, - они никак не могут смириться с действительностью и ведут себя как подростки».

- Господа, не ссорьтесь, - прервал их Пушкин, - право же, так и до дуэли дойдёте! Приступим лучше к трапезе!

Друзья постелили на землю старый мешок, выложили добычу и молча начали своё пиршество.

«Газель» остановилась неподалёку от главной мусорной кучи. Из машины неторопливо вышел мордатый водитель и что-то крикнул. Салон нехотя покинуло два тинейджера.

- Пацаны, тащите сюда мешок! – скомандовал он. – Эй, чуваки, принимайте пополнение, - ухмыльнулся мордатый, с презрением оглядев классиков.

Из мешка посыпались книги.

- Смотрите, - воскликнул Достоевский, - Вальтер Скотт, Марк Твен, Лем, и даже Иван Ефремов! А это кто? Сам Конан Дойль! Ну, теперь у нас будет весело! Добро пожаловать в нашу компанию, господа-товарищи!

- Ага, - подтвердил один из тинейджеров, - вот вам здесь всем и место, бомжары!

- Это мы- то бомжары? - обиделся Тургенев, - на себя посмотри, отрок, на тебе даже штаны дырявые!

- Ничего ты не понимаешь, чудик! – усмехнулся тинейджер, - сейчас такая мода! Эти штаны стоят дороже, чем вы все вместе взятые.

- В наше время такие штаны даже крепостные не носили, - заметил Пушкин.

- А тебя я вообще не спрашиваю, кучерявый, - презрительно ответил пацан, открывая банку с пивом.

- Колюха, кончай свистеть с этими лузерами, - их время прошло! Или тоже к ним захотел? – окликнул его второй.

- Ты чё, совсем долбанутый? - обиделся Колюха, - я с ними рядом не сидел и не собираюсь! Если мне надо чё почитать – и в компе найду.

- Правильно, - заметил мордатый, - загрузишься всякой фигнёй и станешь как они. Поехали лучше водочку пить.

Машина уехала.

- Присоединяйтесь, братцы, - пригласил Толстой новичков, - теперь мы все в одной лодке.

- Ага, как Муму с Герасимом, - подметил Тургенев.

- Иван Сергеевич, мне непонятен Ваш пессимизм, - перебил его Пушкин. Право же, нам нечего жаловаться – жизнь продолжается!

- В качестве отверженных, - отряхиваясь ответил Виктор Гюго, – кстати, господа, я понимаю, что мы теперь лишние. Но кто мне подскажет, в какое время мы сейчас живём и где?

- Вам очень это надо? Тогда обратитесь к Шерлоку Холмсу! Мой герой знает всё, – важно предложил Конан Дойль.

- Нет ничего проще, - ответил Холмс, - сейчас первая половина 21 века и мы на городской свалке!

- Мистер Холмс, я давно знаком со всеми Вашими фокусами, но как Вы это узнали? – выронив окурок удивился Ватсон.

- Элементарно, Ватсон! – ответил Холмс и подобрал окурок, - времена меняются и некогда самая читающая страна перестала быть таковой. Теперь вспомните, когда началось повальное увлечение интернетом, после чего книги начали выбрасывать на помойки. Вот и всё!

- Гениально, Холмс! А может, это нормально? Сменилась эпоха, меняются носители, бумажные книги теперь мало кому нужны. Люди черпают из интернета всю необходимую информацию.

- Если бы это было так, Ватсон, то мы бы с Вами никогда не оказались здесь! Человек, у которого есть мозги, не станет выбрасывать книги на помойку, каким бы «носителем информации» он ни пользовался. Он лучше отнесёт их в библиотеку или подарит кому-нибудь. Те же, у кого мозгов нет – в нас точно не нуждаются. Такими людьми легче манипулировать, а в пустую голову проще вложить всё, что угодно!

- Холмс, но ведь в голову тех, кто сейчас привёз мешок уже ничего и не вложишь – только жрать, ржать и балдеть!

- Вот именно, Ватсон!

Вадим МАЛЬЦЕВ

г. Таруса

Виктор Астанин

Записки гаишника (окончание)

Ветеран, звучит, вроде, гордо,
Хотя до пенсии ещё далеко,
Выйду в люди, оденусь модно,
А на сердце пока нелегко.

XXIII

Лето 1996 года, суббота, я ответственный по батальону. Дежурный, Владимир Комов, передал мне, что приехал корреспондент «Литературной газеты». По заданию редакции, тот должен был сделать фоторепортаж о работе нашего подразделения. В это время к нам направлялся проверяющий от УГАИ, подполковник Кирьянов, о чём мне передал дежурный по управлению, Александр Васильев. У подполковника, была дача в Клинском районе, скорее всего, он, поэтому и был назначен куратором нашего батальона. Кирьянов прибыл в гражданской одежде, и предложил провести операцию под кодовым названием "Легендированный угон».

- Зачем, - спросил я, - у нас и так каждую ночь сотрудники задерживают правонарушителей со стрельбой и гонками?

Ответа не последовало, и увидев невозмутимое лицо проверяющего, я согласился:

- Но, надо, значит надо.

Было понятно, что это очередная проверка моей работы, и было досадно. Я решил соединить два мероприятия в одно.

Главное: найти водителя с автомашиной, который бы согласился быть "подсадной уткой". Как раз в батальон заехал ко мне Николай Кузнецов на своей "Волге", многим из наших знакомый, и я ему предложил поучаствовать в этом процессе. Корреспонденту столичной газеты я пообещал, что фоторепортаж ему будет обеспечен.

Я распорядился, чтобы Комов передал по радиостанции об угоне "Волги" из посёлка Поворово, и попросил его, чтобы он никого не предупреждал по другим каналам, что это учение. Мы сели в автомашину: Кирьянов сел впереди с водителем, я с корреспондентом уселся на заднее сиденье. Я сел справа, одетый по форме.

Время было обеденное, ясный солнечный день. В своих сотрудниках я был уверен, угон из нашего района, да по горячим следам,

- справятся. А план у меня был простой: инспектор на посту 65 км обнаружит машину, и передаст информацию на пост 79 км, а на КПМ ребята ушлые, проведут задержание. Не впервой им осуществлять «План-перехват».

Выходной день, и поток легковых машин двигался в область. Грузовых машин нет. В Солнечногорске спускаемся к посту 65 км по левому ряду. Старший лейтенант, Михаил Синельщиков, стоит на центре перекрёстка, внимательно смотрит на проходящий поток машин. Вот он глядит на нашу «Волгу». «Заметил», - с удовлетворением подумал я, но, тот увидев Николая в открытое окно «ГАЗ-24», поздоровался с ним кивком головы и перевёл взгляд на другие машины.

Я был рассержен, и при подъезде к Давыдкову попросил Кузнецова спрятаться за фурой и проехать под её прикрытием. У поста 79 км мы пошли на обгон, но там, на центре дороги, уже стоял инспектор, Андрей Марков, у него не проскочишь. Нас засекли. Я дал команду увеличить скорость, а, обернувшись, увидел, что к служебной автомашине «ВАЗ-2103», стоящей у поста, бросился начальник смены, Тихонов, и с ним Марков. Началась погоня, уже интересно. Николая я попросил нигде не останавливаться.

Доехав до 81 км, я увидел, что впереди, перед поворотом на Борозду, создаётся затор: дорога перекрывается автомашинами. Старший инспектор ДПС, Вячеслав Хмельницкий, стоя по центру дороги впереди своей служебной машины, активно руководил движением, указывая водителям, где поставить машину. Но правую обочину он перекрыть не успел.

- Давай по обочине, - сказал я Николаю.

Мы съехали с проезжей части, но Слава быстро пробежал между машинами наперерез, и мы упёрлись в него, плотно стоящего на нашем пути. Ноги на ширине плеч, в руке направленный на водителя пистолет. Кузнецов резко затормозил, а Хмельницкий, не опуская пистолета, и держа на мушке салон «Волги», подбежал к водителю. Открыв дверцу машины, я опёрся на неё правой рукой, и, не опускаясь на землю, чем возвысился над крышей автомашины, закричал:

- Слав! Слава! Всё нормально, проверка.

Слава взглянул на мою милицейскую фуражку, но только после моего второго возгласа отвёл пистолет от Кузнецова и Кирьянова, которые оцепенев, и боясь пошевелиться, держали руки на торпеде, как в американском боевике. Тут же подъехали Тихонов и Марков, перегородив нашей машине путь назад.

Хмельницкий участвовал в задержании реально, он не мог знать, что угон «легендированный». Даже, если Комов меня не послушал, и из солидарности с инспекторами передал информацию, Вячеслав не мог её услышать. Он, при объявлении операции «План-перехват», был на обеде дома в Клину, и услышал о преследовании угнанной "Волги" только тогда, когда сел в служебную машину, включив рацию. Фотокорреспондент под впечатлением не сделал ни одного снимка. Как он ни уговаривал Хмельницкого встать в ту же позу с пистолетом, как при задержании, Слава не встал, обиделся.

- Что я, клоун? – сказал он корреспонденту.

Я попросил Андрея Маркова выручить работника прессы и заменить героя дня. Андрей не мог мне отказать, и взял в руки пистолет вместо Вячеслава.

Подполковник Кирьянов не произнёс ни одного слова, его на служебной машине отвезли на дачу. А Коля Кузнецов мне высказал: - Чтобы я ещё раз, когда-нибудь, поддался на такую провокацию...

В "Литературной газете" вышел фоторепортаж на всю страницу о работе дорожно-патрульной службы.

Один из сторонников Ельцина, в 1993 году, после провала их партии на выборах в Государственную Думу, сказал: «Россия, ты сошла с ума»! Тогда победила ЛДПР - партия Жириновского, далее была компартия Зюганова и третья - аграрии. У меня же эти слова ассоциировались с другими вещами. Тогдашний премьер-министр, Егор Гайдар, внедрил радикальную экономическую реформу, названную «шоковая терапия», смысл которой был – кто не перестроился, я не виноват. Это не Россия сошла с ума, а реформаторы – мошенники, от свалившегося им на голову богатства.

Все накопления советских людей в сберкассах заморозили, и обмену на новые деньги они не подлежали. Этого было мало, так они призывали людей индивидуальные ваучеры, за которые, сменивший Гайдара, Немцов обещал по две автомашины «Волга», вкладывать в акции созданных ООО, ОАО, ЗАО, в частные банки и тому подобное, после чего те исчезали. А народу они пускали пыль в глаза, в первую очередь через телевидение, в том числе, и сам президент, Борис Николаевич Ельцин, который во всеуслышание, обещал лечь на рельсы, если народ станет жить хуже. А народ уже жил хуже. Во всю, рекламировались организованные денежные пирамиды: «Властилина», «МММ» и другие. С экранов не сходили экстрасенсы, колдуны, знахари, пророки и провидцы. Понаехали миссионеры из Америки, Японии и Европы, и учили нас жить, граждан страны с тысячелетней православной

историей. На телевизионных передачах транслировались увеселительные программы и выступали ангажированные артисты и актёры. А на этом фоне было самое страшное: продолжалась война на территории России, в Чечне.

У Юрия Владимировича Никулина была замечательная программа на государственном канале телевидения: «Белый попугай». На неё Юрий Владимирович приглашал звёзд советского кино и эстрады. И в одной программе я услышал, как любимые всеми актёры: Юрий Никулин, Ролан Быков и другие, вдохновенно пели «Мурку». Даже они, на всю страну. Гимна Российской Федерации не было, и на полном серьёзе было одно из предложений: написать слова гимна на музыку именно «Мурки».

Но «вернёмся к нашим баранам», в октябре 1996 года. Евгений Иванович Инютин протянул мне телефонограмму из Управления ГАИ, в которой говорилось о проведении операции с привлечением местных органов внутренних дел.

- Евгений Иванович, как выполнять? У нас же отделы милиции в трёх районах, и у них свои программы и операции. Я же встречался с заместителями по борьбе с организованной преступностью. К Панкратову, в Солнечногорск, приезжаю, показываю свою телефонограмму, а у него свои задачи, свой план. Почему на областном уровне нет планирования. А туфту я писать не могу.

- Не можешь, так исполняй, - сказал командир, и отвернулся. А что командир-то мог поделять. Ко мне стали приезжать с полка проверяющие. Я не встречал их так, как обычно встречают людей из вышестоящих инстанций, старался отстаивать свою точку зрения. А что они? Они исполнители. Я только снова предупредил своих инспекторов на КПМ о возможных негласных проверках.

Приехав в полк на Дурасовский переулок с отчётом за 9 месяцев, я, как обычно, зашёл к моему начальнику, Сергею Алексеевичу Сергееву. Всё, как всегда: планы, справки, замечания.

- Вы, почему не обустраиваете КПМ? – вдруг спросил Сергеев.
- В каком плане?
- В плане: блок-поста.
- И где я должен взять колючую проволоку, бетонные блоки.
- Твои сотрудники дачи строят?
- Товарищ майор, может, они и строят дачи, но привлекать их к строительству поста я не намерен.
- Тогда предоставьте мне смету, расчеты.
- Этим я должен заниматься? – спросил я заместителя командира полка, на чём наш разговор был закончен.

И в октябре Евгений Иванович передал мне указание сверху:

- По результатам проверки тебе предложено написать заявление по собственному желанию.

- Куда? – не сразу понял я.

- На пенсию.

Это было неожиданно. Я был готов к любому дисциплинарному взысканию, но в 47 лет, об отставке даже не подумал. Я спустился в свой кабинет и написал заявление с формулировкой: «Даю согласие на увольнение меня из органов внутренних дел», приложив второе заявление на отпуск. Оба заявления я оставил в дежурной части, и отбыл домой. Отпуск – полтора месяца, и я взял путевку на 20 дней в санаторий «Салют» в городе Сочи.

Сочи – красивый город, но у меня снова был отдых с грустью. Со мной в палате жил сотрудник милиции из Краснодара, и я проводил время с ним: выезжали в город, прогуливались по дорожкам санатория, сидели на танцплощадке, наблюдая за танцующими парами. Где-то, через неделю, когда я уже со многими познакомился, я находился в компании, и один товарищ меня спросил:

- Виктор, смотрю на тебя, судя по всему, ты наш парень, а с нами не выпиваешь, и женщины у тебя нет.

- Ребята, я сюда приехал, чтобы отдохнуть и от женщин, и от водки. У нас этого добра гораздо больше и лучше.

Правда, не от женщин я отдыхал, а переживал потерю единственной и желанной. По утрам нас возили на автобусе в «Мацесту», где мы принимали ванны. Перед входом в здание была довольно большая площадка, с расположенными на ней киосками. Здесь же расположился фотограф с обезьянкой, а поодаль играли в напёрстки. В один из дней, я, первым закончив процедуру, стал ждать наш автобус на улице. Делать было нечего, и я, пройдясь по киоскам, решил посмотреть, как одурачивают народ «напёрсточники».

Я подошёл к группе парней и встал за спиной одного. Ведущий сидел за маленьким столиком, на котором находились три металлических перевёрнутых стаканчика. Он быстро начал двигать импровизированные напёрстки, ставки были сделаны. Из троих, молодых людей один был игроком, и он из четырёх конов угадал два раза: в каком напёрстке находится шарик. Подошёл ещё один парень и спросил, что за игра. Ему начали объяснять правила, а я ещё не понимал, что это разыгрывают меня, потому что один из участников «лохотрона», поняв, что я не ведусь, заявил:

- Нет, я больше не могу.

- Ты чего пришёл? Вали отсюда, - повернувшись ко мне, сказал второй.

Грубовато. У меня возникло желание показать удостоверение и тоже разыграть комедию. Но зачем? Меня уже попросили из стражей порядка, да, и ничего я не изменю в этом преступном бизнесе. Сам же могу создать себе проблемы вдали от родины.

Отчего люди участвуют в сомнительных играх? От жадности. Как говорил киногерой Шарапов: «Самое дорогое на земле – глупость. За неё дороже всего приходится платить». «Хотел деньжат срубить по-лёгкому», - убеждал он бандитов.* В городах повсюду наставили игровые автоматы, в которые бедные люди, - бедные не в материальном смысле, - опускали за кон по пять рублей, и проигрывали пенсии и зарплаты. А то и больше. У нас два инспектора три года играли в лотерею «Спортлото», покупая билеты в большом количестве. Разрабатывали схемы, анализировали выигрыши, вели статистику. Бросили. Я поинтересовался у них о результате.

«В конечном итоге: не выиграли, и не проиграли», - сказали они. А сколько напрасно затраченного времени! Наверно, байка, но мне рассказали,

*- из к-ма С.Говорухина «Место встречи изменить нельзя», что во времена Екатерины II один придворный предложил ей, чтобы пополнить казну, выпустить для населения подобие лотерейных билетов, на что Екатерина Великая ответила: «Мы не настолько бедная страна, чтобы дурачить свой народ».

Мне год назад командир тоже поручил распространить среди сотрудников какие-то лотерейные билеты, связанные с автомобильным транспортом, и присланные из полка ДПС УГАИ Московской области. Билеты были упакованы, с печатями, в количестве 1000 штук. Я их, конечно, распространил добровольно – принудительно среди сотрудников, с условием, что о выигрышах мне будет доложено. Таким образом, мне легко было подсчитать: что к чему. Получилось: 50 на 50, половина суммы идёт на выигрыши, а половина - на прибыль, с вычетом издержек по изготовлению и распространению билетов. Кстати, мне за их распространение никто, ничего не предложил. А таких видов лотерейных билетов в киосках было пруд пруди, на любой вкус, и люди их покупали, и покупают.

С юга я приехал по окончании своего отпуска, и этим же вечером мне позвонил Анатолий Юдин:

- Вить, ты завтра выходишь ответственным по батальону.
- Я же написал рапорт на увольнение.

- Не знаю, ты в наряде.

Я два месяца не подстригался, и на следующее утро побежал в парикмахерскую, благо, что она работала с 7 часов. После развода зашёл с докладом к командиру, и на мой вопрос он ответил:

- Кто же подпишет твой рапорт в таком твоём написании.

Я остался, но было понятно, что ненадолго. Прошло два месяца, я не исправился, и маховик был запущен. Евгений Иванович вызвал меня к себе в начале февраля:

- Виктор Матвеевич, назначена комплексная проверка, опять будут трясти твою службу.

- Что надо сделать, Евгений Иванович, чтобы не трясли? Написать рапорт?

- Напиши.

Я подал рапорт в отставку. В последний день своей службы я был ответственным по батальону. Проведя вечерний развод смен в классе службы, я вышел в длинный коридор, где построились инспектора, заступающие на службу, и озвучил приказ:

- Смирно! Приказываю заступить на охрану общественного порядка, соблюдая законность, и выполняя приказ номер 235 «О культурном и вежливом обращении с гражданами», - скомандовал я. – Вольно.

И добавил:

- Я ухожу в отставку. Желаю вам здоровья и отличной службы.

Я прошёл вдоль строя и пожал каждому товарищу руку.

«Всё проходит, и это пройдёт»

Сократ

Глава 24

Состоялся у меня телефонный разговор с Татьяной, который перевернул мою душу. Смешанное чувство, которое и очень обрадовало, и очень огорчило. После обычной беседы про жизнь, про её мужа, который совсем не уделял ей внимания, я высказал сожаление, что не был с нею близок.

- Сто долларов, - сказала она.

- Что сто долларов? – не понял я.

- Сто долларов, и всё будет.

- Ты шутишь?

- Нет.

- И ты согласна со мною встретиться?

- Да.

«Что это? Оставленная женщина желает отомстить, и найти утешение с человеком, которого когда-то любила? Не за деньги же она хочет встречи». Волнение охватило меня. Можно сказать, что мечта, которая являлась несбыточной, оказывается, обыденно проста. На второй план отошли её отношения с Хамоновым, но в этом была и моя вина. Хотя не в моём характере сблизиться с женщиной, которая предпочла тебя другому. Любил я её и жаждал встречи. В последнюю ночь, перед нашим свиданием, я почти не спал.

Друг мне подогнал свой «Москвич-412», а приятель дал ключи от своей дачи в нашем районе. Она пришла ровно в 13 часов в назначенное место у дома, под названием «Флейта», и стала искать меня глазами. Я вышел к ней из «Москвича», который она пропускала мимо своего зрения.

- Я в эту машину не сяду,- заявила она.
- Давай садись, - ничуть не смущаясь, сказал я ей.
- Я думала, ты на иномарке приедешь.
- Садись, садись, не кокетничай.

Она, конечно, села, не светиться же ей в своём районе.

Я выехал на «ленинградку», и направился в сторону Сонечногорска.

- Ты мне сейчас деньги давай, - объявила Таня.
- «Не могу я тебе в день свидания дорогие подарки дарить», - процитировал я ей слова известной песни, заменив одно слово.
- Я с тобой не поеду, - сказала она.
- Ты же мне говорила, что любишь меня, - напомнил я ей.
- Говорила, но мне деньги нужны.

Конечно, я деньги приготовил. Если бы она двести запросила, я бы и двести достал. Я остановился на обочине и передал ей требуемую сумму в рублях, по курсу. На этом весь мой романтизм закончился. «Россия, ты сошла с ума, если уже добропорядочные жёны не гнушаются брать деньги за любовь», - подумал я.

В след за Таней, я поднимался по лестнице на второй этаж нашего дома свидания, и в голове у меня сидели слова из песни Газманова: «Путана, путана, путана». Но, когда я был с ней в постели, кроме восторга, я больше ничего не испытывал. С последним поцелуем, Таня поднялась, неторопливыми движениями надела на голое тело мою рубашку, и пошла вниз, а я в окно наблюдал, как она босяком идёт по траве, любуясь ею. Это так здорово любить именно любимую женщину!

Разговорились мы с Леонидом Белоусовым у него в кабинете как раз о них. О чём же ещё? И поведал я ему, ещё под впечатлением

любовного свидания с Татьяной, о своих переживаниях, не называя, конечно, имён. Хотелось высказаться.

- Она меня разочаровала, - поделился я с ним.

- А не надо очаровываться, - сразу дал Леонид мне простой рецепт. – Мои женщины все рядом, далеко не хожу, и отношение к ним у меня ровное. Они мне нравятся не более 3-4 месяцев, и всё. Ценить надо своих жён, остальные все на букву «б».

Легко сказать, а если это происходит помимо твоей воли. Это у него всё легко и просто. Вот учёные определили, что любовь - это химия: запах сближает мужчину и женщину. Какой запах? «Я увидел её и погиб», - как пел Высоцкий. Всё же, любить - это так трудно, но прекрасно!

Мне вновь был положен отпуск. Я никуда не поехал, переживал увольнение дома. В марте, до меня дозвонился Работкин Александр Владимирович, и сказал, что мне надо бы приехать в отдел кадров ГУВД. Я бы мог не ехать, а спокойно дожидаться окончания своего отпуска, потом пройти в нашей поликлинике диспансеризацию, и полежать в госпитале, но гордыня, да, и обида, сидели во мне. На следующий день после звонка, 23 марта 1997 года я поехал в Москву, чего сидеть без дела.

- Ты сколько времени устраивался на службу, - спросил меня Александр Ушаков, когда я прибыл на Белинку.

Он уже перебрался работать сюда вместо Лазарева, а того назначили заместителем начальника Солнечногорского ОВД.

- Два месяца, - ответил я.

- Сейчас мы тебя за 20 минут уволим, - сказал Ушаков, заполняя бланк.

Я промолчал. Наверно, он вспомнил нашу совместную службу в батальоне.

- Иди, подпиши у начальника.

Начальник, просматривая моё личное дело, удивился:

- Надо же, от инспектора до заместителя командира, от сержанта до майора, в одном подразделении.

Я промолчал. Вернувшись в отдел кадров, я получил от Ушакова свою трудовую книжку и военный билет.

- А удостоверение ты сдай, Виктор Матвеевич.

- Саш, я подумал, что пенсионное удостоверение выдадут сразу, и не взял с собою денег. Мне же обратно ехать. Я тебе «служебное» верну.

- Нет, не положено.

По моей просьбе он дал мне в долг деньги на дорогу, и я вышел в коридор. А по коридору шёл Лёва Журавлёв. Он в ГУВД занимал должность начальника наградного отдела.

- Виктор Матвеевич, какими судьбами?

- Уволился.

- Как?

- Попросили.

- Есть проблемы? – спросил Лёва.

- Нет, всё нормально. Удостоверение я сдал, у Ушакова денег занял, чтобы доехать, и прощай служба – ответил я.

- Пойдём со мной, - сказал мне Лев Анатольевич.

Он привёл меня в архив, попросил у сотрудниц моё служебное удостоверение, расписался за него, и передал его мне:

- Когда оно тебе больше не понадобится, вернёшь. Пойдём к Сону зайдём.

Мы пришли ещё в один кабинет, где за столом сидел Иван Сон, который сразу встал и вышел к нам навстречу.

- Иван Васильевич, вот наш начальник смены уволился. Походатайствуй, чтобы ему деньги пораньше выплатили.

Десять окладов я действительно получил через пару недель, а через месяц, получив пенсионное удостоверение, позвонил Льву Анатольевичу. Договорились встретиться у поста на 41 км, он с работы приезжал в Зеленоград на маршрутном такси. На полянке, где в 41 году проходил рубеж обороны, я вернул ему своё удостоверение, мы посидели на травке, выпили коньяку и попрощались.

Таня при нашем разговоре по телефону сделала неожиданное предложение:

- Ты можешь приехать ко мне на всю ночь?

- Не обещаю, но постараюсь.

- Постарайся, я буду ждать.

Она назначила мне свидание в 11 микрорайоне Зеленограда, и в 22 часа я был на месте.

- Только ты ничему не удивляйся и ничего не спрашивай, - предупредила Таня.

А удивиться было чему, хотя в то время уже ничего не удивляло и не пугало.

Раздался первый звонок на её телефон, и она вступила в переговоры с мужчиной, которому была нужна девушка. Узнав его местоположение, Татьяна достала тетрадь, пробежала по списку, и связалась с нужной девушкой в Москве. «Россия, ты сошла с ума, если учительница начальных классов участвует в порнобизнесе».

Я не спрашивал, она сама мне рассказала, что ей предложили поработать диспетчером, где легко и безопасно можно было «срубить бабла». От жриц любви ей шли проценты. Я постарался отрешиться от моральной стороны происходящего, и это было не трудно, глядя на обнажённую, красивую, любимую женщину, жаждавшей ласки.

- Ты мне приносишь удачу, уже шестой клиент, - радостно говорила она, пересаживаясь со стула ко мне на постель и страстно целуя меня. Это стоило моего терпения за все годы. Спусти два часа нас уже не беспокоили. У меня мелькнула мысль: «От чего у неё было больше радости: от свидания со мной, или от положенного ей гонорара»? Какая разница, наверно, и от того, и от другого. Главное: мне было очень хорошо, и я ей признался, что это была лучшая, бессонная, ночь в моей жизни, на что она, не задумываясь, ответила:

- У меня тоже.

Когда-то мы мечтали с ней отдохнуть где-нибудь вместе несколько дней, взять путёвку на теплоход. Не получилось. Два раза она приглашала меня к себе домой, но дальше пригожей не решилась пустить. Опасалась. Правильно, конечно. И вот, у нас была целая ночь.

10 ноября меня пригласили в батальон на празднование Дня милиции. Всё проходило, как обычно: торжественная часть, почётные гости, награждение сотрудников, концерт. Такое всё знакомое и, домашнему, родное, но я уже здесь гость, правда, желанный, судя по всему.

Лев Григорьевич Максимович в этот день был свободным от смены и он предложил мне и Подъячеву продолжить праздник у него на даче. Мы с приятелем Юрия Ивановича, который был на машине, проследовали за «Волгой» Максимовича. А у Льва на даче я увидел старых знакомых, двух женщин из Днепропетровска, которые летом продавали горшки на «ленинградке». Он пригласил их, оставшихся без работы, к себе сделать ремонт помещений. Украинки по просьбе Льва Григорьевича начали накрывать на стол, а я, по старой дружбе, затеял с ними разговор. Лучше бы я этого не делал. Та самая Надежда мне сказала, что с мужем она разошлась и хочет остаться в России.

- Что, там совсем плохо? — спросил я.

- Плохо.

- Вот и в Крыму плохо, - сказал я, вспомнив девушку из Симферополя. - Отдали ни за что, ни про что российский полуостров.

На эти слова резко среагировал Максимович:

- Крым украинский! - воскликнул он.

- Ну, откуда украинский? – миролюбиво заметил я, - Хрущёв, никого не спросив, передал его УССР.

- Украинский, - настаивал Лев.

Я, не придавая большого значения затронутой темы, обратился к землячкам Максимовича:

- Вот, скажите, по-честному, - чей Крым?

- Российский, - не предусмотрительно ответила подруга Нади.

Я совсем не предполагал, к чему это приведёт, а Льва Григорьевича понесло:

- Всё! Вы завтра у меня не работаете. Я вас увольняю.

- Макс, ты чего? – вмешался Юрий Иванович. - Не был я в Крыму, и ещё сто лет не буду. Ты сам из Львова. На хрен он тебе сдался?

Но, Максимовича было не остановить. Мы вышли из-за стола и были вынуждены уехать в город не солоно хлебавши.

Лёва, съездив в отпуск, из Львова привёз книгу про Уна-Унсо, и дал мне её почитать. Я не акцентировал на этом внимание.

- Они с немцами воевали за независимость, а потом с русскими за тоже самое, за самостоятельность, - сказал он мне при передаче книги.

Я пропустил его слова мимо ушей. У него было своё видение того периода, у меня своё. Я книгу так и не читал, просмотрел картинки. Я и так знал деятельность «бандеровцев» из других источников, взять, к примеру, художественную литературу, повесть: «Тревожный месяц вересень», или роман Иванова «Вечный зов». Лёва рос во Львове, в детском доме, и рассказывал мне, что его дед в гражданскую войну служил у Будённого. Правда, я не ожидал от товарища, что оставшись после службы в Советской Армии в России, женившись здесь, родивший сына и дочь, он такотреагирует на мои слова.

Позже я ему сказал:

- Лёв, не надо в дружбу вплетать политику. Белые, красные, зелёные; коммунисты, анархисты, монархисты. А людям горе.

Позвонил мне домой Игорь Александрович Яковлев. Его уволили из батальона несколько лет назад после конфликта с товарищем по оружию, в котором он был неправ.

- Ты можешь ко мне домой придти? – спросил он.

- Могу. Когда?

- Давай, завтра, часов в 10 утра.

В квартире он был один и сразу пригласил меня за стол, на котором стояла бутылка водки и нехитрая закуска. Я сел, а Игорь Александрович нервно ходил по комнате взад-вперед. Я ждал, понимая, что случилось что-то серьёзное.

- Выпьешь? – спросил он.

- Саныч, ты же знаешь, мы в одной смене были, с тобой выпью, могу не пить.

- Я не буду, а ты выпей.

Я налил себе стопку, выпил. Яковлев, наконец, остановился и произнёс:

- Я не могу успокоиться.

- Что случилось? – спросил я.

- Почему меня уволили? – неожиданно спросил он меня.

Его увольнение происходило при мне. Я был ответственным, и Игорь Александрович тогда пришёл ко мне в кабинет после смены с докладом об инциденте со своим напарником, и я отбирал у него объяснение по этому поводу. Это было во время несения службы. В рапорте он описал, что произошло, и я рапорт передал командиру. Яковлев был неправ, и ему предложили уйти в отставку.

- Как? Ты, если мне не изменяет память, тридцать лет прослужил? – спросил я, не переставая удивляться.

- Я с Инютиным был в хороших отношениях, будучи инспектором по розыску, мы с ним тесно общались, - объяснял он.

- И ты столько лет держишь обиду на командира? – спросил я.

- Да, - ответил Яковлев.

- Игорь Александрович, ты меня извини, сейчас не советское время, когда на пенсию провожали с цветами в торжественной обстановке. Ты был инспектором, я не умоляю твоих заслуг, а я уходил заместителем командира батальона. Немного не дотянул до твоей выслуги. Мне тоже никто не сказал спасибо, я тоже не был готов к увольнению. Надо всех прощать. Ты хочешь выслушать моего совета? Я скажу. Езжай в батальон, зайди к Евгению Ивановичу, и выскажи ему всё, что у тебя на душе. Через полгода Яковлев умер от сердечного приступа.

Надо сказать, что всё же трудная эта работа – служба в ГАИ. По пальцам не пересчитать: сколько товарищей мы потеряли, даже, если вспомнить только тех, о ком я здесь написал. Трагически погиб Владимир Докукин, пригласивший меня с Захаровым на службу, после перевода в ОВД Солнечногорска. Погиб Лёшка Белкин в автомобильной аварии, будучи пассажиром. Не помог Завалкину Жене приём: «носок-пятка», погиб в ДТП, управляя автомашиной. При переходе дороги попал под машину Паршиков Виктор Иванович. Сергей Гаврилов перешёл в Солнечногорский ОВД и разбился на служебном мотоцикле. После увольнения и развода с женой покончил жизнь самоубийством Николай Сапко. Такая же участь постигла Панова Владимира. И Владимир Разин

окончил свою жизнь таким же образом. Погиб Сергей Стёпин, управляя мотоциклом после выхода в отставку. Недолго прожил Александр Тихомиров после увольнения, он во время службы разбивался на мотоцикле. Погиб Сергей Кузов, занимаясь парашютным спортом. Список большой. Так что, жизнь коротка, и «прожить её надо так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы». Как тут не вспомнить бессмертные слова Николая Островского*.

Таня с мужем развелась. Я с ней ещё встречался, как-то был в её компании на шашлыках, но нашу связь она скрывала, у неё появился молодой

*- «Как закалялась сталь» любовник. Она сама мне об этом сообщила. Я в этом убедился, когда летом увёз её из Зеленограда поздним вечером. Поступил вызов на её телефон, и она очень просила меня оставить её в машине одну, чтобы ответить на звонок. Таня была также встревожена, как раньше, когда при мне звонил её бывший муж. Теперь она и гражданскому мужу изменяла со мной. Они уже жили вместе. «Я тебя любила» - сказала она мне. Вот он, приговор, крушение надежд. Что значит любила? А то значит, что уже нет любви, нет настоящего, и не будет будущего. Как писал Иван Бунин: «А у женщины прошлого нет, разлюбила, и стал ей чужой».

Через месяц Таня получила новую квартиру по программе реновации, её панельный дом, как и у Ольги, пошёл под снос. Она попросила меня помочь ей перевести оставшиеся вещи в старом доме. Я приехал к ней на автомашине «ГАЗ-3110», которую я купил у знакомого по сходной цене. Загрузив в «Волгу» последние пакеты, я поднялся в квартиру. Там осталась мебельная стенка, холодильник и диван, который нам пригодился в этот час.

Как же с ней хорошо, но я понимал, что это наша последняя встреча.

- Что я мужу скажу: кто ты, если он будет дома? - забеспокоилась Таня, одеваясь.

- Как кто? Я крёстный твоей сестры, Ольги.

- Правда, - обрадовалась она.

Молодой муж встречал нас у подъезда, и я выгрузил ему сумки с вещами. Разговоры по телефону у нас прекратились.

Таня любовницей-то моей не была, в классическом смысле этого слова. Я её любил, она меня спасала в определённый период моей жизни, и я благодарен ей за то, что она была. Но, золотые слова

Владимира Высоцкого:

«Не надо подходить к чужим столам, и отзываться, если окликают», всегда сидели в моей голове. Пожалуй, её сестра была честнее, а значит лучше.

Меня посетили мысли, что и не моё это было дело: работа в государственной автомобильной инспекции. В апреле 1970 года, работая электриком, я учился на подготовительных курсах в Клинском станкоинструментальном техникуме и гарантированно был бы зачислен туда с 1 сентября. Никто не подсказал, а я пошёл в 11 класс. С другой стороны, это была бы уже совсем другая жизнь. Несколько наших инспекторов из Клина именно его и закончили, и получили офицерские звания. Как бы то ни было, я сам выбрал себе дорогу, согласившись с Иваном Захаровым пойти на службу в ГАИ.

Грешным делом, иногда я думал, что и не на той девушке я женился, у нас с женой совершенно разные интересы. Хотя, посмотрев на окружающий мир, мою Любовь Васильевну упрекнуть не в чем, не считая её упрямого характера. Но она блондинка – простительно. У меня ни разу не было повода для ревности, хотя, - с её слов, - некоторые мои друзья признавались ей в любви. Это только поднимало её в моих глазах. «Жена Цезаря должна быть вне подозрений», - как говорил Кай Юлий Цезарь. У меня преданная жена, хозяйка и хорошая мать моих детей, и я не допускал мысли думать по-другому. Родной стала, а родню не выбирают. В конечном итоге, она и победила в виртуальной войне с мнимыми соперницами. Но, тем не менее, исходя из выше изложенного, я пришёл к выводу, что присущее ей подозрение, вызывало у неё недоверие. А недоверие ведёт к непониманию, непонимание влечёт разочарование, а разочарование – это конец любви. Это огорчало меня и отравляло жизнь. Чем я не философ? Из понятия Сократа о женитьбе: выходит, что я счастливый философ. В Университете единственный предмет, который я не мог сдать с первого раза, было земельное право. На третьей попытке мне преподаватель сказала:

- Астанин, у тебя четыре по философии, а ты земельное право не можешь сдать.

Всё познаётся в сравнении: любовница - преходящее, а жена вечна. Любовь приходит и уходит, а семья остаётся. И выходит, что лучше всех – моя жена, Любовь Васильевна. На том и стоять будем!

После отставки, летом, я, как простой инженер, сел на автобус, идущий по 30-му маршруту на 74 км, и увидел в нём Зою, с которой не виделся лет 15. Она в своё время каждый год приезжала из Москвы в летний детский сад, возле пионерлагеря «Заря», работая там воспитателем. В пионерском лагере, и в четырёх садиках,

принадлежащих обувной фабрике «Парижская коммуна», действующих в то время, было много девушек, и они в обеденный перерыв часто приходили на купальню «Зари» загорать и купаться. Туда приходили и мы, деревенские, ведь, было же свободное время. Зоя в то время могла заинтересовать меня. Два километра мы с нею шли от остановки до деревни, и вспоминали события давно минувших дней. Я её спросил:

- Зой, многие наши ребята гуляли с вашими девочками. Шестеро из них даже женились, а я никого из вас не заинтересовал почему-то?

- А ты казался таким недоступным, - поразила она меня таким ответом.

Вот это номер. Я-то считал, что это я из себя ничего не представляю. Вот, такой я не решительный, сомневался во всём, всё взвешивал, но действовал по интуиции. Ошибался, конечно, но ошибки признавал и корил себя за них. Рождён я под созвездием «Весы», может быть поэтому?

Завершая свою историю, я могу констатировать главное: я никому ничего не должен, и никому никогда не делал подлостей. «Пред людьми я виновен, перед Богом я чист», - как пелось в одной старой, тюремной песне.

Мы из Советского Союза!

Елена Басалаева

Счастливая была

Любит старшее поколение обвинять молодых и в непочтительности, и в чёрствости, и в том, что становятся злее, агрессивнее. Молодые при этом ответно жалуются на вечную хмурость, озлобленность и жадность пожилых. Наверное, в чём-то правы и те, и другие. Девочки-школьницы до крови бьются на заднем дворе за право «завлекать» одноклассника, а настоящие, не рекламные приторно-добрые старушки, способны свести с ума придирками и подозрительностью.

Но это только половина правды. Другая её половина, я думаю, в том, что все мы просто устали от сумасшедшего городского ритма, от постоянной беготни, толчеи в магазинах и автобусах, и все в глубине души хотим, чтобы нашёлся кто-то добрый, с кем не нужно было воевать за место под солнцем, кому можно было бы довериться без страха быть преданным и высмеянным.

В доме-интернате на Ботанической стариков было не так уж много: кроме дедушек и бабушек там жили и молодые выпускники детских домов, имевшие инвалидность. Детдомовцев руководство интерната заселяло на второй и особенно третий этажи, а старикам достались левое крыло второго и весь первый.

Я ходила в этот интернат на волонтерских началах. Инициатива происходила от одного равнодушного священника, и все желающие с прихода по воскресеньям посещали стариков. Подопечных каждый выбирал себе сам. Мы иногда помогали персоналу интерната по мелочи: подстригали бабушкам и дедушкам ногти, меняли бельё, подкармливали конфетами на сорбите. Но сами сотрудники в голос уверяли, что с этими нехитрыми делами они хорошо справляются и сами, а на что им не хватает времени и сил, так это на общение со стариками.

Общаться с ними было непросто и нам: некоторые с подозрением смотрели на людей, которые пришли в интернат просто так, ничего не требуют и даже не вербуют в религию, другие плохо слышали, и приходилось чуть ли не кричать в уши, третьи не совсем хорошо осознавали, кто они и где находятся... Однако постепенно дело пошло на лад.

Я познакомилась с тремя замечательными людьми: пожилым мужчиной из Ангарска, которого потом забрал домой сын, и самой настоящей влюблённой парой возрастом под семьдесят годов: они

встретились уже здесь, в интернате, уговорили руководство поселить их в одну большую комнату и прожили там вместе примерно полгода. Весной их переселили в другой интернат.

Мне стало вроде бы не к кому ходить, но всё-таки на следующее воскресенье я приехала на Ботаничку снова. Растерянно озираясь в коридоре, машинально взялась за ручку какой-то двери и посмотрела в палату. На дальних койках сидели две чрезвычайно друг на друга похожие старушки, к которым больше всего подошло бы прозвище «божий одуванчик». А на ближней...

Только завидев мою четырёхлетнюю дочку, она попыталась приподняться с кровати и растянула тонкие губы в улыбке:

— Иди ко мне, иди ко мне, внучечка.

Таня, привыкшая ко вниманию вообще и бабушек — в частности, тут же подбежала с раскрытой пачкой печенья. Протянула печенье в раскрытую ладонь с узловатыми пальцами.

— Спасибо, внучечка. Какая ты хорошая — я не вру. Честное слово. Я осторожно подошла к женщине.

— Меня Лена зовут.

— А меня Люда. Баба Люда — вот так ты меня и зови. Угу?

Я кивнула.

— Ну, садись, коли пришла, — пожевав губами и пытливо оглядев меня, она пригласила сесть на край своей железной койки. — Слушай.

Я слушала долго. И в этот раз, и в следующее воскресенье, и в то, которое было потом. Казалось, что баба Люда молчала не то, что днями или месяцами — годами. Вставить мне хотя бы пару слов было решительно невозможно. Как тяжёлая глинистая земля долго не впитывает воду, так и баба Люда просто не могла впитать, воспринять даже малейшую частицу меня. Ей пока нужно было выплеснуть всё, что накопилось. Я подстригала ей ногти, расчёсывала волосы или просто сидела и молчала.

Она рассказывала мне об отце, который безумно ждал мальчика и поэтому всё детство называл её «сына», о муже Илье Ананьевиче, который родился раньше неё на двенадцать лет, за что она добродушно дразнила его «старинушка», о зверосовхозе и психбольнице (в первом месте трудилась сама баба Люда, во втором — Ананьевич), о своих дочках Анжеле и Ксении.

— Анжелка у меня родилась такая рыжая, кучерявая. Я как увидела её, думаю — вот те девка. А чё я её Анжелка назвала? Потому что был тогда этот фильм...доча... как его?

— «Анжелика, маркиза ангелов», — догадалась я.

— Точно. А характером она у меня была такая...как тебе сказать... Стерва. С детства всё фыркала. Ну, зато красивая, ничё не скажу. И я её тоже любила. А Ксения у меня добрая была, ласковая такая...

«Где ж теперь твоя ласковая Ксения, баба Люда?» — поневоле приходило мне на ум.

Но баба Люда, кажется, совсем не думала об этом. Из всех историй, что она рассказывала (в общем-то, у неё всегда была единственная бесконечная история, из которой одно перетекало в другое), становилось ясно, что этот человек прожил счастливую жизнь.

Она рассказывала мне много вещей, которые почти любой назвал бы неприятными, а то и страшными. Отец, который «жуть как любил меня», только однажды обратился к ней «дочка», до самой своей смерти так и видя в своём втором ребёнке вожделенного мальчика-наследника. В третьем классе он купил Люсе тёлку Рябинку в качестве живой игрушки, у которой потом десятилетней девчонке пришлось самой принимать роды, а папка пришёл только тогда, когда она, обливаясь потом и слезами, уже полчаса тщетно пыталась вытянуть ноги слишком крупного телёнка. А благоверный Илья Ананьевич, сколько-то немало лет отпахавший санитаром в психушке, за какую-нибудь дурацкую провинность мог взять да и выпороть её солдатским ремнём — да не просто так, а с чувством, толком и обязательными комментариями. Красивая Анжела в своё время выгнала бабу Люду из своего с мужем дома за неугодный характер и пристрастие к бутылке, а ласковая Ксения уехала и с концами пропала...

Но всё это дикое, тёмное, страшное, то и дело всплывая в рассказах бабы Люды, переплавлялось в её сердце и неизменно превращалось в воспоминание любви. Мы часто не можем простить близких людей и разрешить себе любить их просто так, потому что постоянно чего-то ждём от них, от наших отношений, потому что подготовили себе в уме какие-то представления о том, какими должны быть отец, муж, дочь, невестка...

Бабе Люде было уже решительно нечего ждать и нечего представлять. Всё, что было у неё и есть — это железная койка в десятиметровой палате (в июле её перевезли в двухместную комнатёнку с одним окном), с которой она может привстать, только если кто-нибудь поддержит её за высохшие, посиневшие руки. Поэтому, наверное, она и может позволить себе роскошь любить, несмотря ни на что.

Если попросить меня вспомнить человека, который больше других способен принять жизнь, как она есть, то я назову именно бабу Люду. Даже говоря о каких-то своих ошибках, она не осуждала себя, только говорила:

— Ну что поделаешь, такая уж я бессовестная.

Как я уже писала, через некоторое время она стала видеть меня. И сразу же начала называть «доча».

— Ты — моя доча. Я не вру. Честное слово. А это моя внучка. Правда?

Конечно, формальная правда заключалась в том, что передо мной была полусумасшедшая старуха, обречённая провести остаток своих дней на казённой железной кровати с вонючим матрасом, в убогой комнате с подслеповатой лампочкой, брошенная и забытая. И ещё была я, мамка двоих детей с висящим за душой банковским долгом, совершенно чужая женщина для обитательницы дома престарелых Прохоровой Людмилы Михайловны, ничем по факту не могущая ей помочь.

Но всё это стало абсолютно неважно. Мы с бабой Людой знали и другое — знали истину, в которой я на самом деле была её дочкой, и обе мы были прекрасны.

Потом она стала рассказывать мне уже не только давно былое, но и то, что происходило сейчас. И даже спрашивать меня:

— Ты сама как?

Однажды она встретила меня и как-то странно посмотрела:

— Слушай, доча... А где у тебя муж?

— На Парашютной улице, — ответила я первое, что пришло в голову.

Баба Люда выругалась по матушке.

— А какую холеру он там делает? Чё ко мне не приезжает?

Мне совсем не хотелось рассказывать ей невесёлую и довольно банальную историю своей распавшейся семьи, и я попыталась перевести разговор на другое, но баба Люда так и вцепилась в меня за рукав пальцами.

— Хороший он?

— Да... Хороший...

— Любит тебя?

— Я не знаю... Нет, наверное.

— Как ты не знаешь? Да он живёт с тобой?

— Нет... Давно уже.

— Ёж твою клёш. А чё ты раньше молчала? Я тебе всё про себя, про себя... Вот бессовестная.

Она развернула ко мне лицо и взяла мою руку в свою, вся приготовившись слушать. Но у меня не оказалось совсем никаких слов.

Жаловаться не хотелось, ворошить прошлое — тем более. Я просто села внизу у кровати, обняла бабу Люду и прижалась лицом к её руке.

— Знаешь, ты такая красивая, — сказала я, когда наконец поднялась с пола.

— Ну да, — охотно согласилась моя «матушка», кокетливо приглаживая на макушке смолисто-чёрные вихры. — Мне бы вот ещё серёжки вставить, и совсем бы хорошо.

— У тебя же есть серёжки.

— А я ещё хочу. Золотые вставлю — во красotka буду! Доча, честно, я не вру. Тут у нас санитар новый, парнишка молодой — вот с золотыми серёжками-то я его это... охмурю! Скоро как раз должен прийти.

Я, конечно, понимала, что она шутит:

— Не-ет, бабонька, если молодой и красивый — мне оставь!

Из коридора вдруг послышался сердитый мужской голос:

— Вы что там, с ума сошли?! Я вообще-то медбрат, а не санитар!

Мы с бабой Людой в голос расхохотались.

Как и все мы, за свою жизнь баба Люда наломала немало дров. Бессчётное число раз она обижала свою старшую сестру-очкарика, грубила матери, прогуливала школу, воровала с работы, лгала и хвасталась. Случались у неё и более серьёзные грехи (о которых мне не хочется вспоминать, потому что это всё-таки поверенная мне чужая тайна), но — именно случались. Всё скверное в жизни моей «матушки» всегда казалось мне случайным и наносным, вещами, которые повторяются почти с каждым из нас из поколения в поколение.

Я никогда не говорила ей, что она поступала плохо, хотя бы потому, что она и сама прекрасно это знала. Но при этом, признавая свою «бессовестность», всегда была открыта к Божьему прощению. И всякий раз, когда я вижу её, мне на память приходят строчки из цветаевской «Бабушки»:

*«Свистят скворцы в скворешнице,
Весна-то — глянь! — бела...
Скажу: — Родимый, — грешница!
Счастливая была!»*

За всё то время, что мы с бабой Людой были знакомы (чуть больше полугода), я научила её молиться. Она сама однажды попросила меня об этом. Несколько раз мы с ней вместе молились за покойного раба Божьего Илью — его баба Люда вспоминала всё же чаще других своих близких.

— Господи, миленький. Господи, помилуй... Пожалуйста. Не оставь.

В такую минуту она была очень сосредоточена. Но в другое время баба Люда редко бывала серьёзной. Часто даже подкалывала меня, как, например, в тот раз, когда я долго не могла отыскать в коридоре выключатель.

— Ну, ты какая-то глупая стала, доча. Надо тебе тут маленько со мной полежать, тут быстро человека в порядок приводят.

Я смеялась, где-то в глубине души осознавая, что и в самом деле когда-нибудь могу оказаться на месте бабы Люды, на этой её железной койке. А могу и не оказаться. Ни то, ни другое неважно. Важно только то, что мы вместе есть.

В последний свой визит я спросила у «матушки», какой гостинец привезти ей в подарок.

— Да что хочешь, доча, лишь бы из твоих рук. Но лучше всего — конфетку. Я ведь сладкое люблю... Ананьевич прятал от меня, ругался: не ешь много! нельзя тебе! А я ведь всё равно ела...

Она развела руками и выразительно с еле заметной улыбкой посмотрела на меня:

— Ну, что поделаешь, бессовестная...

Я ездила к ней два раз в месяц от самого начала лета вплоть до зимы, потом заболела на две недели, а после того ещё две недели не приезжала из-за каких-то дел. Когда в конце декабря я появилась на первом этаже интерната и заглянула в знакомую комнату, бабы Люды там не было. На одной койке сидела высохшая старуха с птичьим лицом и задумчиво затягивалась папирсой. Другая кровать была пуста.

Оказалось, что с инсультом бабу Люду привезли в больницу, там она пробыла несколько дней и умерла. Подробностей её ухода мне, конечно, никто не сообщил. В доме престарелых каждые два или три месяца кто-то умирал, и ничего сверхординарного тут не было.

Я не знаю, о чём она думала перед смертью, была ли в трезвой памяти или потеряла рассудок. Конечно, хочется верить, что ушла она спокойно и безболезненно, и что за семь положенных суток всё-таки нашлись её родные. А если не нашлись, то когда-нибудь найдутся, придут на её могилку внуки от Анжелы или Ксении:

— Вы ж, рёбрышко от рёбрышка,
Маринушка с Егорушкой,
Моей землицы горсточку
Возьмите в узелок.

ИННА4

А я человек

Вы мне товар (любовь, дружба, почти ежедневная помощь, а я? Деньги? А если их нету?

-Нету?

-Ну,да...

Даже не говорят «пока»...

Меняю тактику, теперь я товар, но не тот, который, лишь бы купили, я замаскировала желание в сердце и деньги превратила в улыбки... Что-то потихонечку вышло даже...

Пробую обойтись без денег, теперь Товар- это мое Сердце.

За сердце получаю только чай, мыло, яблоко- ну, ничего, ничего, уже хоть не деньги... Правда все равно голодная... Когда же я, наконец, насыщусь... добром. ТО деньги, то товар, а Сердце ведь не железное или

Бабушкин жених

Я вышла из больницы и сразу отправилась гостить у бабушки.

Пришел он, жених. И начал играть цыганочку, я худая и давно не танцующая, пустилась в пляс.

Дома никто не танцует, а я так говорю - танцем. Я не знаю, что бы я делала, как бы я выразила все, что чувствую, если бы не станцевала цыганочку...

Я никогда Вас не забуду,

Спасибо вам за цыганочку.

Пасха

(Прозаические миниатюры)

1. Батюшке

Меня заставляют выйти замуж, а я не хочу.

Потому что хотела бы по любви, а не по расчету как говорят родители.

Еще у нас в семье женщина ничего не значит. У папы много любовниц. И я очень его стесняюсь. Он часто смотрел на меня неприлично. Я перестала носить обтягивающую одежду, танцевать дома.

Правда теперь я боюсь просто идти в ванную, поэтому я там поставила магнитофон, спряталась и танцую. Я боюсь своего тела. Хочу носить обычную одежду платья, но очень стесняюсь родителей. Вне дома я тоже так себя веду. Я и спать боюсь, потому что сначала научилась мечтать во сне, но теперь я чувствую, что контролирую мой сон. Я закрываю в комнате дверь и ем сама, чтобы не видеть родителей.

У меня был друг. Потом я очень долго была одна. Но теперь после неудачных попыток совсем не хочу никаких отношений с противоположным полом.

Я думаю-теперь уже сама. Не из-за родителей.

Иногда, правда люблю смотреть фотографии влюбленных, фильмы, хорошие романтические и сказки.

Мне трудно быть собой-почему-то все время дома пытаются унижить мою женскую природу и делают из меня либо мальчика, либо относятся очень плохо, если я пытаюсь позволить себе просто молча мечтать. Даже за закрытой дверью.

Я очень хотела бы уметь не расстраивать теперь и побыть наедине с собой.

Как лучше это сделать?

Паломничество?

Я просто очень хочу спать в последнее время, но пытаюсь сильно контролировать мысли, потому что мне кажется, что папа их слышит и неприлично смеется.

Постоянно издевается и специально меня находит, зная, что я его избегаю.

И я не знаю, как быть-я не могу научиться спокойно говорить, как я бы хотела.

Не общаться совсем?

Я бы хотела уехать в другую страну, в Испанию.

Я постоянно пытаюсь уйти от родителей и жить от них далеко, я очень плохо себя чувствую дома, у меня постоянно болит сердце.

Обычно я танцую, мечтаю, читаю стихи, когда хочется.

Но я чувствую, что меня в последнее время что-то очень сильно сковывает.

Просто потому, что дома я не чувствую себя свободно: я люблю испанскую музыку и когда совсем негромко ее включаю, то чувствую негативное что-то со стороны соседей.

Я имею двух друзей, которые принадлежат к культуре Востока.

Я хочу выбирать восточную одежду, считая, что она меня защитит как-то.

Еще у меня молитва перекрещивается с актерским желанием вжиться в роль, и я вживаюсь в разных людей и часто веду себя согласно

этим ролям. Но это не я. Это я пыталась самостоятельно учиться быть актрисой, а теперь не отделяю свою собственную молитву от вживания в роль.

Я мечтаю стать актрисой, но мне теперь трудно, потому что я хотела своего внутреннего покоя, а не постоянного, уже не контролируемого процесса, стать кем-то, пусть даже по собственному выбору.

Почему так происходит?

Я чувствую чужие мысли и не могу успокоиться и даже спокойно спать.

Папа ненавидел, что я учусь.

Как будто завидовал.

Хотя у него в жизни были все возможности стать большим спортсменом.

Иногда мне кажется, что он хороший.

Но как только я это подумаю, то он начинает издеваться, обижает.

У нас есть возможность кушать, как нравится, но мне не разрешали долго покупать и есть так, как я хочу.

Я часто от переживаний иду на улицу, пройтись, потому что болит сердце.

Но я, бывало, настолько переживала, что не могла увидеть машину на дороге.

Папа видит, что я в таком состоянии выхожу из дома и радуется, что довел.

Зачем-то постоянно говорит, что я должна куда-то ходить, в какие-то кафе, хотя я люблю дом.

Мама не разрешала никогда готовить и убираться по своему усмотрению, а теперь говорит, что я не умею готовить.

Я сильно переживала и даже была в больнице, потому что мне было трудно.

Буду молиться.

2. Молитва

Но я люблю мой дом, там мои птицы: синички и вороны, мои книги, могилки кошки и собаки, и Кузя.

Там моя ель, сосны и яблоня, вишня, смородина и еще у меня есть малина.

Там мои нарциссы, мое солнце-весной и летом.

Моя терраса, где я летом пью чай и принимаю важные решения.

Мой диван, стул на кухне, печенье, творог и семечки.

Соевое молоко.

Пятнистые штаны.

Плед, ярко-желтого цвета, любимый старый магнитофон и музыка.
Я живу так.
И покупаю цветы.
Скоро Пасха.

Вегетарианка

Я не ем мяса, только рыбу вместе с кошкой.

Остальные едят. У нас дома много острых ножей и каждый раз мне страшно наблюдать за всеми процедурами над мясом. Я вижу в этом маниакальность какую-то-резать труп.

Я считаю насилием, если тебе мешают читать хорошие книги. Общение с животными высмеивают. Я вижу, как животных любят, потом бросают, убивают и съедают.

Я вижу, как ты становишься чужим, потому, что просто так кому-то хочется.

Я против насилия над живыми: против войны, насилия, ссор. Я никогда не отвечу на зло. Мне жалко моего времени. И мне никак не понять, на что его тратят те, кому не страшно, если у коровы с такими же глазами, как у тебя и длинными ресницами, перестает биться сердце ради того, чтобы ты съел кусочек ее тела вместе с вопросом коровы: «Почему, друг, ты ...?»

Зубки

У меня всегда были красивые белые зубки. Я все ела, чистила их и любила разглядывать свои клычки в зеркале. У меня были крепкие зубки. Я любила улыбаться.

Потом разучилась. Потом снова пыталась. Мне сказали, что у меня слишком красивая улыбка.

Я сжала зубы и чтобы не стать агрессивной, перестала есть мясо. Овощи я есть не привыкла и нападала на шоколад. Зубы на это сразу отреагировали: улыбаться стало теперь никак, зубы стали слегка черненькими. Врач меня полечил. Клыки заточил и я теперь без волчьего оскала.

Я все думаю, как же опасно маленькому волчонку оказаться среди стада травоядных животных. Зубы заточат, их придется отчаянно стискивать, выть на луну. Кусаться нельзя-не по-человечески. Тебя треснут копытом, наступят на хвост.

Вот время прошло, а я так и не стала лошадью. Я снова люблю чистить зубы и включила в свой рацион картофельный салат с ветчиной. Но если волком уже не стать, буду кошкой или собакой.

Ведьма

(Стихотворение в прозе)

Я все уходила и уходила в переживания,
 Но все время возвращалась домой.
 Потом заболела и осталась.
 Потом уже на немного уходила в Солнце и Небо.
 Потом снова возвращалась.

Теперь я дома, старенькая ведьмочка. Солнце со мной пьет чай и угощается печеньем.

В дом не позову, уходи, прохожий.

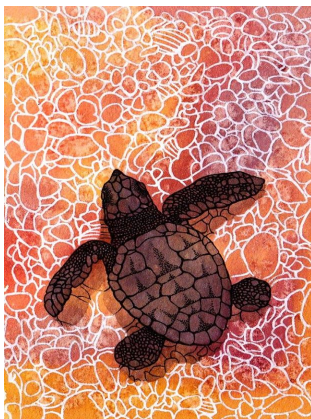
Иду, кормлю птицу и слышу за спиной человека. Опасный. Я наклоняю голову, на плечо садится птица, и мы уходим. Пока заходим в мой дом, утром мы проснемся и я выпущу птицу. Страшно быть добрым.

Как же ты там теперь один?

Сколько таких как я хотят жить?

Тясячи, а может и миллионы...

Мы бежим, предвигая наше маленькое тельце, к морю-это наша душа и мечта, не все добегают, кто-то, замедлив шаг, попался хищнику, кто-то долго путался в песке и опоздал-все уплыли и ты в море один-это твоя стихия, но и там есть любители тишины и тайны, как же ты теперь один?

Счастливая крыса

Я сегодня, наконец, выглянула в окно, уже весна и я с каждым днем все чаще и чаще высовываюсь в окно. Опасности, они есть и зимой, но летом их больше-я красавица, к тому же очень трудолюбива-ну, женихов хоть отбавляй: и коты, и лисы. Но я дружу с Рексом, это мой сосед. Мы тайно с ним повенчались, он меня прячет у своих хозяев по дому. Нет, хозяйка там я, я веду дом: просматриваю крупы, где надо рву пакеты, где надо пробую и варю кашу хозяевам. Пока они думают, что это домовый делает, но скоро я им покажусь, правда сегодня я заснула в раковине и получила тапком по носу от хозяйки. Я удивилась. Но я еще больше удивилась, когда Рекс сказал, что хозяева иногда так делают даже с собственными детьми и что это- нормально. Я растерялась. Показываться никому не буду. Венчание венчанием, а замуж я выйду-за другого.

Красивая пара

Такая красивая пара. Я так гордилась, что их познакомила, а Он ее обижал.

Ну, вот.

Осталась лишь фотография.

Где все счастливы и любят друг друга.

Может быть, это и есть счастье?

И мы счастливы каждой влюбленностью, каждой дружбой, каждой улыбкой?

И живы поэтому...

Посвящение принцессе Диане

Я люблю Париж,
Там Сакр-Кер,
Туннель,
Где проезжал твой автомобиль,
Там, где была ты,
Светлая как птица,
Я также люблю Лондон,
там тоже ты,
И лошади,
То есть в красивой форме конная полиция,
ты отвечала на все, все письма,
это важно-быть добрым,
я тоже так считаю,
я читала тоже книги по психологии
Как ты,
но теперь молюсь и за тебя и за себя

Илона Бёд

Марфы

Услышать сердце человека
Возможно только в тишине...
Николай Добронравов.

В качестве предисловия я, хорошо знающая эту историю, немного напишу про детство Антона, а уж дальше он сам поведает о том, что посчитает нужным рассказать.

Антон был симпатичным, сообразительным, правильнее сказать, рассудительным ребенком, дружелюбным и весёлым. И очень хотел ходить в детский садик, но в детстве он часто болел. «Слабое горло», – говорила бабушка. «Надо удалять гланды», – делала заключение доктор Лидия Степановна. Она была педатор. «То есть, Лидия Степановна – человек, который крутит педали?» – так думал Антон, но удивлялся, ведь она была старая тетенька, «пожелая». Правда, непонятно было: она, что, всегда что-то желает? Мама долго смеялась, когда Антон решил узнать у неё про всё это. И узнал, что не педатор правильно, а педиатр – детский врач. Мама сказала, что такое звание у врача появилось из двух греческих слов: «дитяти» и «лечение» в Греции, правда, древней. А пожилая от слова «жила», но это с древностью не связано, это просто долго живет человек. Ну, как пластинка долгоиграющая!

Педиатр.... Не, лучше педиатор. Похоже на медиа-тор. Ме-ди-а-тор... Папа Антона играл на гитаре с помощью медиатора, такого маленького треугольника. Для того чтобы делать ветер в жару, нужен вентиля-тор. Это такой комнатный мини - самолет, с лопастями. Ему даже ток нужен. В доме был еще трансформа-тор, какой-то прибор для непонятного переменного тока. Да и само слово «прибор» оканчивалось на «ор». Все эти интересные слова заканчивались на «тор» или «ор». Такие слова Антоша любил. И говорил их четко, с раскатистой буквой «р-р-р». Буква «р» у него не всегда получалась хорошо потому, что у Антона была короткая уздечка. Его часто заставляли говорить: «На горе Арарат растёт крупный виноград». Как у какой-то лошади станет длинней уздечка из-за винограда на горе, Антон не знал. Но он искренне хотел помочь лошади и хотел, что бы речь у него самого была с пр-р-равильной буквой «р». Лидия Степановна так сказала! А она была детский врач и... пе-ди-а-тррр... и все. Как эти слова связаны между собой, Антон уже знал. Он любил, когда Лидия Степановна приходила. С ней в дом приходил

запах праздника. Бабушка говорила, что это аромат ванили. А Антон все равно считал, что это запах праздника. Это когда приходишь в гости, а там испекли вкусные пироги. Вкусные сладкие пироги пахли этой самой ванилью. Или ещё лучше, если к ним приходили гости: другие знакомые и незнакомые люди, иногда с детьми. Тогда на весь их дом распространялся запах праздника – запах ванили. Правда, это было нечасто. Часто только горло болело.

Лидия Степановна носила на голове много маленьких рыжих кудряшек, которые все время норовили выскочить у нее из-за ушей и закрыть глаза. А глаза у любимого педиатра были замечательные: зеленые, прозрачные и смеющиеся. Даже когда она не улыбалась, они оставались веселыми и, казалось, что вот-вот начнут подмигивать Антону. Лидия Сергеевна снимала с Антона жаркую рубашку и прохладными пальчиками и холодной трубочкой осматривала худенькое тельце. Круглый холодный диск на резиновых трубочках назывался «фо-нен-доскоп». Слово было загадочное, только жалко, что без буквы «р».

Антон любил новые слова, он повторял их много раз, как бы перекачивая во рту то слева направо, то обратно. Слово нужно узнать досконально, до буковки, тогда оно займет в голове свое место, и он больше не сделает в нем ошибки. Ошибаться Антошка не любил. Бабушка, Марфа Лукьяновна, учила Антона делать всё хорошо. «Но если сразу не получается, сделай десять раз, сто раз, а на сто первый всё получится. Когда ты твердо будешь убежден, что дело освоил, ты в трудную минуту сможешь на него положиться, и оно тебя не подведет». А еще бабушка учила Антошу, что за свои поступки нужно отвечать. «Ты когда что-то делаешь человеку, сначала представь себя на его месте. А понравилось бы тебе самому то, что ты собираешься сделать другому? А если бы с тобой так поступили?» Эти два правила Антон не забывал никогда.

Больше всего Антон любил с бабушкой Марфой клеить самолеты. Модели. Тогда они получались ровненькие, ладненькие. Одним словом «аккуратненькие». И еще Антону нравилось гулять с бабушкой по саду-огороду. Бабушка много рассказывала про букашек, на которые Антон бы сам не взглянул. А что еще хуже, раздавил бы. В бабушкиных же рассказах они были населением городов и стран, живущих на одной планете вместе с людьми. Правда, люди не всегда учитывали интересы народонаселения из насекомых. Букашки жили своей жизнью, а люди своей. И букашки жили на нашей планете намного дольше, оказывается.

Когда Антон гулял с бабушкой во дворе или по саду-огороду, он чувствовал себя старше и значительнее. Он же выполнял поручение папы

и мамы. Следил за тем, чтобы гулять без маленькой стеклянной трубочки с таблетками бабушка не ходила. У Антона в кармашке тоже на всякий случай лежала такая же трубочка, только новая. Для бабушки, «про запас». В трубочке лежал «нит-ро-гли-це-рин». Антон знал, что так назывались «таблетки жизни» для бабушки. Мама и папа специально беседовали с Антоном. Очень просто, но очень серьезно всё ему объяснили. И теперь Антон знал, что таблетку необходимо положить бабушке под язык, если она сама не сможет. Слюна ее растворит, лекарство впитается в кровь, кровь донесет его до сердца, и бабушке станет легче. И тогда пугающая Антона голубизна и прозрачность на лице бабушки исчезнут. Кожа на щеках перестанет напоминать «пергамент белый», на котором бабушка пекла вкусные пироги на противнях в электродуховке. Марфа Лукьяновна была известной мастерицей. Ее пироги считались лучшими на всей улице. А еще она пекла такие тонкие блинчики на воде, что было похоже на «каль-ку», измазанную маслом. Еще одно новое слово, которое Антон узнал от драчуна и хулигана Петьки. Он – старший брат его, Антона, друга Жени. Петька – студент. И на этой кальке «с четырьмя черными, чумазыми чертятами» чертит чертежи.

Сейчас Антон сам про все это расскажет, и про своего лучшего друга тоже.

Женька – очень хороший друг, интересный и настоящий, проверенный временем: мы дружили ещё «с колясок». Мы жили в соседних домах. У них была собака, которая жила в будке. Огромного рыжего ушастого пса звали Каштан. Каштан любил хватать меня за пятки, поэтому Женя поступал просто. Он за ошейник тащил пса к будке, запихивал его туда и попой закрывал выход из будки. Я в это время несясь, как настоящий спортсмен, этот, как его, а-а, спринтер, к дверям. Мы всегда выигрывали это соревнование у Каштана, а Женька угощал пса потом чем-нибудь вкусным: печеньем или карамелькой. И рыжий лохматый пёс на нас не обижался. С Женькой было весело, но беда в том, что мы чаще всего болели с ним в разное время. «В противофазе», – так говорил Петька и отвечивал нам «леща», каждому.... «А это вы в одной фазе», – приговаривал он, после того как давал нам по подзатыльнику, по этому самому «лещу» в представлении Петьки. Мы с Женькой знали, что лещ – это рыба, но с Петькой не связывались, чтобы не приплыли еще эти самые «рыбы» на наши головы. С Женькой мы часто мечтали. И о том, кем будем работать, когда вырастим, тоже говорили. Мы хотели стать военными лётчиками или, в крайнем случае, простыми, невоенными лётчиками. Хотя ни родители Жени, ни мои с авиацией связаны не были.

У Жени и Петьки родители работали инженерами на тепловозоремонтном заводе. Мои родители были врачи.

Папа – хирург, точнее, кардиохирург. А мама была детским психиатром. Мама рассказывала, что начинала работать в психиатрическом мужском отделении. Но она была невысокая и худенькая, и, даже, накрахмаленная медицинская шапочка не делала ее выше в глазах некоторых крупных пациентов. У мамы был железный ключ буквой «г», который запирали все двери в больнице. Но я однажды подслушал, как мама рассказывала моей тете историю с моим старшим братом. Брат Вадим был старше меня на 16 лет, окончил военное училище и служил далеко от дома. А вот когда он был совсем маленький, бабушка Марфа принесла его маме кормить. Тогда какие-то порядки другие были, и детей надо было кормить не дома, а на работе. Мама сидела в кабинете за столом и держала Вадика на руках. Как получилось, что здоровенный мужик-псих выкрал ключ, я не услышал. Но понял, что он ворвался в кабинет, где были мама и Вадик, схватил огромную кадку с пальмой, поднял ее над головой и собрался запустить ее в голову мамы. «Я только успела скатить Вадика под стол, чтобы спасти», – рассказывала мама. Но в этот момент ворвались санитары, скрутили психа: так я решил. Мама, конечно, не говорила «псих». Она его то «пациент» называла, то «больной». Маму эта история потрясла. Она ушла работать в женское отделение. Там она тоже работала не очень долго. Я так из разговора понял, что женщины-психопатки представляют собой неприятное, чаще неопрятное, зрелище. Мама стала детским психиатром. И своих маленьких психов очень любила: рассказывала о них, переживала за них. В их отделении детки были одеты в симпатичные фланелевые пижамы и платья. У больных были игрушки. И маму они встречали радостными криками: «Семеновна, Семеновна!» Из того времени в мой «лек-си-кон» добавились термины «мак-ро-це-фал» и «мик-ро-це-фал». Я путал их: у кого голова большая, у кого маленькая. Мне казалось, что это совсем неважно, ведь это дети – дураки. Но мама долго беседовала со мной и постаралась, чтобы я понял: эти дети – больные и ни в чем неповинные. Я понял.

Только однажды я видел маму сильно расстроенную. Она рассказывала папе, что пока она спасала неполноценного в умственном отношении мальчика, после какой-то необходимой ему процедуры, в хирургическом отделении от «пе-ри-то-ни-та» умерла восемнадцатилетняя девушка, красавица и умница, студентка. Был праздничный день 1 мая. Собирали вторую бригаду хирургов, так как уже в операционной дяденьке делала «ап-пен-ди-цит», и у него тоже был

перитонит. Просто ему больше повезло: его на «скорой» доставили первым. А девушку спасти не успели. Папа что-то тихонько говорил маме и гладил ее по волосам. Что говорил — я не услышал. Но слова «аппендикс», «аппендицит» и «перитонит» запомнил.

Мама заведовала детским психиатрическим отделением в областной больнице. Я не знаю, заведовал ли чем-нибудь мой папа, но я считал его более важным, более главным. Он же сердцами занимался, а не глупыми детьми. Я верил, что именно он, как в «Мухе-Цокотухе», «комариком с фонариком» прилетит и спасет нашу любимую бабушку. Спасет ее сердце, «искусанное нитроглицерином». Так я думал.

Бабушка была красивая. Есть такие бабушки — красивые. Она была высокая, худая. «Сухопарая» по выражению соседки тети Фаи, у которой были две внучки — задаваки: Румка и Надька. Правда, красивые, но... дуры! Я с ними в основном дрался! Нет, если честно, то они со мной. Сам я драку не начинал. Тетя Фая приходила к нам часто, как с делами управлялась. Они с бабушкой любили чаевничать. В особом почете у них были конфеты-подушечки с повидлом, густо обсыпанные сахаром. Правда, меня удивляло, как можно с одной маленькой подушечкой выпить целую чашку чая.

А потом пришли плохие перемены. Очень плохие. К сожалению, мой словарный запас пополнился многими новыми медицинскими терминами. Этими словами были «ин-сульт», «па-ра-лич», «про-леж-ни», «па-рез». Бабушка перенесла инсульт. Ее правую сторону парализовало. Она разговаривала с трудом, я ее плохо понимал. Запахом больницы пропиталась вся ее комната. Мне было страшно туда заходить. Но бабушка была моя любимая. Я осторожно заходил в комнату, гладил ее по волосам и рассказывал сказки тихим голосом или стишки. Брал ее за руку и держал. А иногда просто клал голову на ее подушку, вытирал ей слезинки, и мы просто молчали.

И я, и мои родители обратили внимание, что на подоконнике очень часто сидит большая ворона. Я ее не боялся. Я знал эту ворону, она часто сидела рядом с бабушкой, когда та отдыхала на лавочке в саду. Ворона ее совсем не боялась и ела из ее рук. Мама сказала, что это старая ворона. Бабушка увидела ее после смерти своего мужа, Семена Марковича. Бабушка рассказывала, что смерть дедушки была мгновенной и нелепой.

Был последний день Масленицы. В доме царил суета, так как было много гостей. Когда все расселись за столом, стали выпивать, закусывать блинами, то мой дедушка неожиданно захрипел, упал и умер. Позже выяснилось, что масляный блин попал «не в то горло», так говорили.

Перекрыл дыхание, и дедушка умер. Меня тогда и на свете не было вовсе. Вот тогда у бабушки случился первый инфаркт, после которого она так и не оправилась. Часто она просто сидела в саду, рядом сидел ворон.

— Его мне мой Семен Маркович прислал. А может, как в Индии, есть переселение душ? И он стал вороном. Мы с ним всегда любили птиц. Оба мы зимой родились, и мама твоя, и дядя тоже. Поэтому дедушка говорил, что мы – еловые клесты. Это они выводят потомство в трескучие морозы. Семен Маркович говаривал, что он – «медь», а я – «золото». Клесты же оранжевые, почти красные, а клестихи – в желтых перьях. Вот он так и говорил. И ещё: клесты-еловики – певчие птицы. И мы с ним так любили петь дуэтом. А людям нравилось слушать. «Клёстинка ты моя! Певунья моя!» – так он меня называл. Жаль, что он про тебя и не узнал!

Я в этот момент всегда обнимал бабушку и целовал, боялся, что у нее закапают слезки. Жизнь распорядилась так, что она умерла в январе на Татьянин день. Перед смертью она пришла в себя, всех узнала, а маме с трудом сказала: «Ворона корми!» Но после ее похорон ворон исчез. Похороны принесли и печальное событие. Мама повторила судьбу бабушки: смерть горячо любимого близкого человека привела ее к инфаркту. Меня на кладбище не взяли на похороны бабушки, я был с мамой. «Так ей будет легче», – сказал папа. И я остался.

Мама выздоровела, но сердце ее постоянно беспокоило папу. Я уже закончил мединститут, когда мама умерла. Она согласилась лечь на операцию. Сердце болело и подводило. Ее не пришлось уговаривать. После коронарографии вопроса делать или не делать операцию не возникало. Был уже назначен срок операции. Но.... Говорят ведь: «Хочешь посмешить Бога, расскажи ему о своих планах».

Мамин брат с семьей много лет жил в Риге, и уезжать они из Латвии не собирались. Обросли корнями: друзьями, недвижимостью, хорошей работой. Несколько лет назад их семья в августе сняла на два месяца апартаменты на берегу моря в Турции. Отправили двух бабушек с двумя внуками. Это были дети – дошкольники. Близняшки родились во втором браке дяди Володи. А мы с завидным постоянством, по очереди, приезжали в Турцию, якобы, им помочь. Точнее, мы хотя бы не мешали, так как целыми днями валялись на пляже и купались в море. В сентябре дядя Володя решил и сам приехать отдохнуть на недельку с дочкой-студенткой от первого брака. Компания собралась немалая, но дружная и смешливая. Было и полезно, и приятно так отдохнуть! Но все оборвалось разом: дядя Вова скончался от сердечного приступа. Его перевезли в Ригу, и мама решила лететь туда на похороны. Мы уговаривали, что с ее здоровьем лучше не лететь, надо ехать поездом. Но она была

непреклонна. Во время полета сердце ее не выдержало,... и она скончалась.

Горе поселилось в нашем доме: пустота, которую не могли заполнить воспоминания о счастливых днях. Но вернуть ничего невозможно же! В это время я жил с подругой, моей однокурсницей, вели разговоры о свадьбе. Но все разом стало неуместным. Я вернулся домой, стал жить с отцом. Он же стал молчуном, и улыбающимся я его не видел. Время шло, но речи быть не могло, чтобы в доме появилась чужая женщина. Мы спасались работой, разговаривали только о работе. Я тоже начал работать кардиохирургом в больнице, где отец оперировал. Я оперировал вместе с ним. Он многому меня научил. Отец оперировал много: и у нас, и за границей. «Золотые руки» – такие слова добавляли, если произносили его фамилию. Я им гордился, но страдал, что нет прежней счастливой жизни. Душой нашей семьи была мама. Без нее все цвета стали приглушенные, тусклые, выцветшие, контуры размытые, и звуки всегда были тихими в нашей квартире. Только работа оставалась нужной, необходимой: и нам, и, к счастью, людям. Про работу можно написать: она стала единственной любимой. Все, что не связано было с ней, отец делал на автопилоте. Жил словно в густой плотной тени, куда никогда не попадает солнце. Я был с ним. Я стал жить с ним в этой тени.

Но время неумолимо отсчитывает минуту за минутой. Время идет, не останавливаясь, не обращая внимания на наши переживания, и уводит нас все дальше от каких-то событий, в которых мы хотели бы остаться. Бег времени неумолим, время безразлично относится к горестям и радостям людей. У времени нет чувств.

Прошли годы, минуло уже более десяти лет со дня смерти мамы. Работа поглотила и излечила. Я продолжал работать кардиохирургом в клинической больнице, оперировал вместе с отцом. И вот однажды мы должны были делать операцию на открытом сердце пожилой женщине. Странно звучит в наше время, но она называла себя сказочницей. Она писала и выступала со сказками. Жила она в небольшом волжском городке. Говор у неё был своеобразным, но очень подходил для сказок. Я сразу вспомнил сказки, которые рассказывала моя бабушка Марфа Лукьяновна. Что-то неуловимое было в образе этой больной, что делало её похожей на мою покойную бабушку. Только она была миниатюрнее и моложе. Даже гребенка в коротких, ровно подстриженных волосах, была такая же. Неужели их выпускают до сих пор? А самое главное – это глаза. У обеих они были прозрачно-голубые и лучистые. Такие глаза я видел у детей, у радостно смеющихся малышей. А у взрослых? Не могу припомнить никого с такими глазами.

С самого начала эта пациентка не была настроена на операцию. Мы объяснили ей, что в противном случае она умрет мгновенно от обширного инфаркта, и никто не спасет ее.

– Пусть. Я хорошо прожила свою жизнь. Я ей довольна.

– Но вам всего 64. Вы можете еще прожить лет пятнадцать после операции.

– Жить старой? У нас в роду все долго не живут. Обычно по мужской линии умирают мгновенно от инсульта, а женщины – от инфаркта. А у меня еще и онкология была. Я в онкологическом отделении поняла, что неважно, когда умрешь, важно как. А если мгновенно, то это счастливая смерть.

Отец, который считал себя виновным, что не запретил маме лететь самолетом, не сделал операцию раньше, настойчиво продолжал убеждать пациентку. Объяснял, настаивал. И женщина сдалась: она согласилась. В феврале мы сделали ей операцию. Когда ее после реанимации уже перевели в обычную палату, у нас состоялся разговор, который меня поразил:

– Доктор, вы знаете, на севере из дерева, из тоненьких палочек, делают птиц, подвешивают их к потолку и называют «Птицами счастья». А вы в сердца людям селите «птиц жизни», чтобы они поддерживали больных в трудный период. Всем разные достаются. Мне операцию зимой же сделали, вот мне поселили маленькую птичку, как еловую клестиху. Перышки у нее желтые, можно сказать, золотые. Она пока с трудом осваивается на новом месте: клюется, топчется, взмахивает крыльями. И это пока больно. Я назвала ее Марфой. Но мы с ней пытаемся поладить, подружиться. Я терплю, знаю ей непривычно на новом месте. Но все эти птицы должны пропеть свою «песню жизни». А потом они улетают, оставляя человеку здоровое сердце. Мы с Марфой постараемся оправдать ваши надежды на наше лучшее будущее. Конечно, с вашей медицинской точки зрения всё не так. А с моей, сказочной, так. А вы вот как-нибудь после работы выйдите на улицу, посмотрите на небо внимательно, даже прищурьтесь, и увидите, как высоко-высоко в небе кружатся над больницей птицы. Это они прощаются. Наступит время, и моя Марфа улетит.

Я был несколько обескуражен. Я далек от орнитологии, а с птицами чаще встречаюсь в ресторане: это курица, индейка или утка. И много-много лет я не слышал про клеста-еловика, и, уж, тем более, про еловую клестиху цвета золота. Надо же, как она ее назвала: Марфа. Родное имя. Ведь Марфой Лукьяновной звали мою бабушку. Я внимательно посмотрел на женщину и сказал с улыбкой:

– Вы должны с Марфой гулять по коридору. И необходимо надуть шарики, чтобы вашей Марфе было весело вить гнездо. И она быстро и хорошо совет его.

– Нет, доктор. Быстро у неё не получится. Она, похоже, домик строит с лесенкой, по которой все время топочет. А стоит мне только повернуться, так незакрепленные ставни так и хлопают. А клестиха начинает суетиться, нервничать и сердится на меня, похоже. Ох, и клюется! Никак мы с ней еще не можем подружиться.

Поговорив, я ушел отдыхать после дежурства. Это была пятница. Когда я увидел, как выглядит больная в понедельник, я был сильно расстроен. Ей стало хуже. В выходные ей делали капельницы, которые были назначены кардиологом. Она жаловалась, что ей с них «плохеет сильно», но никто из дежурных врачей их не отменил. «А мне капельницы нельзя. Я же их не жалую!» Давление поднялось до 220 на 110. Оно держалось высоким до вечера воскресенья. В ночь ей назначили мочегонный укол, снизили давление. Увидев меня, она тихим голосом пожаловалась:

– Антон Романович, они меня не хотели слушать: «Вот придет в понедельник ваш доктор и отменит вам капельницы!» Потом после мочегонного укола давление упало до 100 на 50. Я, когда давление ночью снизилось, в туалет пошла да там и упала. Потом отлежалась, с трудом на кровать перебралась. А сил и сейчас нет. И Марфа моя ведь еле дышит. Одним коготком за лесенку, за ступенечку зацепилась. Висит вниз головой. Еле дышит! И я тоже с ней заодно плохо дышу. А ведь когда пациент выздоравливает, «птица жизни» радостная взмывает в небо. И смотрит на нас с небес. Сколько удачных операций вы сделаете, столько и будет наверху птиц. Моя Марфа тоже хочет к ним присоединиться. Давление ведь сто на пятьдесят мне чужое. У меня такого в молодости не было.

В это время пришел кардиолог, который вел пациентку после операции, и я ушел. Тем более, что мы с сестрой на следующий день, во вторник, должны были снимать ей швы перед выпиской. Состояние швов было удовлетворительное. На мой вопрос о её самочувствии, она махнула рукой и сказала: «Лучше! Ужо посплю!»

Среда – операционный день. И день выдался сложным. Но я еще не знал, что это для меня будет очень тяжелый день. Увы!

В жизни я уже потерял двух дорогих для меня женщин. И узнал, что третья женщина, неожиданно ставшая для меня дорогим человеком, хотя я и знал ее мало, ушла из жизни.

Когда я вышел из больницы, я посмотрел на небо. Тучи-дуршлаг, из которых целые сутки сыпался мокрый противный снег, ещё не разошлись, только небольшой кусочек прозрачно-голубого неба проглядывал в вышине. «Это место было приготовлено для Марфы», – подумал я. И что-то острое, словно коготок, процарапало моё сердце, и острая боль на мгновение пронзила его. «Это же Марфа упала со ступенечки! Что?! Что же мы не так сделали?»

Эпилог

Если больной очень хочет жить, врачи бессильны.
Фаина Раневская.

Записано мною со слов Антона об этом случае в его медицинской практике. Я лежала в клинике, где он работал, после операции аортокоронарного шунтирования. Мне удалось выжить. Скорее вопреки. Выздоровление было не из легких. Но моей Марфе удалось спеть до конца «песню жизни» и взмыть в небеса. И спасибо за это моим кардиохирургам.

Посвящается с благодарностью кардиохирургам Шарафутдинову Владимиру Эдуардовичу, Пайвину Артёму Александровичу, Пайвину Олегу Артёмовичу.

Клава, Гришка и Маришка

Может быть это сказка? Очень даже может быть. Не знаю. Но вот точно знаю, что написана она для маленькой девочки по имени Марина.

«Жил человек рассеянный на улице Бассейной»... Так начинается свою весёлую сказку Самуил Яковлевич Маршак. И я могла бы написать что-то похожее. Например: «Жил человек хороший на Свободном проспекте». Но это не совсем правильно, будто слизываешь пролитое вишневое варенье с клетчатой клеёнки. А можно начать сказочно: «В некотором царстве, в некотором государстве». Но Свободный проспект находится в Москве. А какое такое «некоторое царство» Москва? Это столица о-го-го какого государства. Огромный город! Много-много людей живёт в этом городе. Удивительно, но хороший человек, тот самый, что жил в большом девятиэтажном доме, который стоял на Свободном проспекте, стал дружить со старой кукольницей из маленького городка, расположенного в большом сказочном лесу за много километров от Москвы.

Тот сказочный лес был очень красивый. Стройные сосны вырастали там высокими - превысокими. Их давным -давно прозвали «корабельными», так как в старину из них делали мачты для парусников. А какие дубы – великаны росли в этом сказочном лесу! Все, кто их видел, называли эти дубы «красавцами». И ласково называли «березоньками» белоствольные раскидистые березы. А ещё со многими другими замечательными деревьями можно было познакомиться в этом сказочном лесу. Почему там деревья вырастали красивыми? Да потому что не боялись, что их обидят. Лес этот называется заповедником. А сколько земляники там было! Целые поляны. И грибам там жилось вольготно. Грибов там было видимо-невидимо. Вы уже поняли, что сказочный заповедный лес был необыкновенным. Поэтому и куклы, которых мастерила старая кукольница, были необычные. Сначала для кукол она придумывала истории. Потом делала куклы. Как только готовым куклам мастерица давала имена, так сразу же они обретали волшебный дар: они могли говорить и играть с маленькими девочками и мальчиками. Только взрослых не должно быть никого рядом. Это была тайная дружба малышей и кукол. Но старая кукольница знала этот волшебный секрет. Ведь, именно, она делилась с куклами частицей своей души. Кукольница давно взяла, как девиз, на вооружение слова одного мудрого афонского монаха по имени Симеон: «Всё, что случается с нами, учись видеть сердцем, а не глазами». Поэтому куклы у неё получались добросердечными и любили своих хозяев.

Кукольницу звали Мадам Невеличка. Так назвал её молодой человек со Свободного проспекта из Москвы. Мадам Невеличка называла его очень необычным именем. Она звала его Коша Ками. Так его назвал китайский словарь из китайского телефона. Кукольница и Коша Ками никогда же не встречались! Они переписывались друг с другом по телефону.

Однажды Мадам Невеличка, прочитав письмо от Коша Ками, поняла, что он расстроен, даже опечален. Она попросила его рассказать о причинах грусти. И он поведал ей об одной симпатичной пятилетней девочке по имени Марина. Она была бойкая, веселая, смышлёная, но, к сожалению, у неё болели ручки и ножки. Мадам Невеличка выслушала грустную историю, вздохнула, но ничего не сказала Коше Ками. Она решила, что сначала ей надо сделать жизнь Марины чуть-чуть радостнее. Как? Конечно, она захотела для Мариши сделать куклу. Но в первую очередь надо было придумать кукольную историю.

А вот тут и начинается история для куклы, которую мне рассказала Мадам Невеличка. Я её записала специально для тебя, Мариночка. Выслушай её внимательно. Она поможет тебе подружиться с куклой по имени.... Нет, нет, нет! Не будем забегать вперёд. Пусть история идёт своим чередом.

Мадам Невеличка работала много, так как куклы требовали кропотливого труда. К концу дня она очень уставала, особенно болела спина. Но она знала, что если относится к своему телу с уважением, изучать его, много заниматься физическими упражнениями, то можно снять или уменьшить боль и даже достичь необыкновенных результатов. Таких результатов, как у дедушки Вали. Это, Мариша, ты можешь называть его дедушка Валя, так как ему в этом году исполнился 71 год, а на работе он очень уважаемый доктор Валентин Иванович. Он сначала помог себе, а потом стал лечить людей.

Мадам Невеличка рассказала мне немного о нём. Сообщила о том, что когда он был мальчиком, то ему пришлось несладко в этой жизни. Очень горько! Ты пробовала острый перец? Ох, и несладкий! Ох, и горький! Ох, и жгучий! Так вот жизнь часто кормила мальчика Валентина горьким перцем вместо сладкой конфетки. Да и детство его прошло в то время, когда конфетки были редкостью. В какое время? В прошлом веке. Век – это сто лет. Ты, Маришка, живешь в начале 21-го века. Всего восемнадцать лет этому веку. Идет ему, веку, 19-й год. Он так и пишется: 2019 год; девятнадцатый год после двадцати веков. А прошлый век был двадцатый. И в середине прошлого века была страшная война. Много людей погибло. Но родители мальчика остались живы. Когда они поженились, у них родился мальчик. Правда, очень крошечный. Детки, ведь, должны жить в животике у мамы целых девять месяцев, там они растут и готовятся к появлению в нашем мире. Но время было трудное, голодное, и что-то не так пошло. Мальчик появился на свет раньше положенного срока. Но заботами врачей и любовью мамы и папы он был спасен. Малыш подрос и стал здоровым. И назвали его Валентин.

Мадам Невеличка рассказала мне, что имена имеют корни. Ну, как деревья имеют корни и растут из земли, так и имена имеют корни и появляются из разных языков. Имя Валентин с латинского языка переводится как «здоровый, крепкий, сильный, спокойный». Мариша, запомни это. Когда ты узнаешь, как рос мальчик Валя, то поймешь, что имя важно для человека. И ты можешь попросить свою маму, чтобы вы вместе с ней узнали и про её имя, и про твоё. А я продолжу историю.

Есть такое слово «судьба». Судьба – это как дорога, по которой человеку придется идти весь отпущенный жизнью срок. Дороги же разные бывают. Одни прямые и удобные, другие – каменистые и трудные. А могут быть на них и ямы, и ухабы. Вот и судьбы бывают у всех разные. Говорят, судьба испытывает человека. Ох, и нелегкая дорога досталась мальчику Вале. В четыре года он остался сиротой. Папа его был военный, боролся с бандитами в те трудные времена и погиб при исполнении служебных обязанностей. И мама ненадолго его пережила. Так и стал Валечка жить с бабушкой. А когда ему исполнилось семь лет, его отдали в детский дом. В таких домах живут детки, у которых нет родителей. Там Валентин жил и учился. И в те времена впервые, когда ему было девять лет, вместе с другими ребятами попал на представление в цирк. Мальчик влюбился в цирк. Всё свободное время он проводил в цирке: убирал манеж, ухаживал за животными, смотрел, как циркачи репетируют, как они исполняют различные трюки. В цирке привыкли к смышленому мальчику, стали его обучать. Валя мечтал стать воздушным гимнастом. Он не боялся высоты, и с удовольствием учился этому искусству. Мариша, цирк – это как одна большая семья. Цирковые детки с малых лет овладевают цирковым искусством. И с детства привыкают выходить на манеж или цирковую арену. Так называют сцену в цирке, где выступают артисты. Валентина тоже приняли в цирковую семью, и он стал выступать вместе с воздушными гимнастами под самым куполом цирка. А это очень высоко, почти как высота пятиэтажного дома. Но Валентин был сильным, крепким мальчиком, и с удовольствием выполнял трюки на большой высоте. Но вспомни, я раньше писала, что судьба испытывает человека. Даже независимо от возраста. Однажды во время представления стальная перекладина, к которой крепилась страховка, лопнула, и произошла страшная трагедия – мальчик упал и получил много травм. Валентин долго лежал в больнице, но никогда не сдавался. Валя не оставил свою мечту выступать на арене цирка. Он занимался много часов подряд физическими упражнениями. Сначала научился сидеть, потом ходить, затем стал выполнять цирковые трюки. Ему удалось поразить врачей, так как они говорили, что этот больной навсегда будет прикован к постели. А он стал известным на всю страну цирковым атлетом, да ещё и силовым жонглером. Научился жонглировать гириями, мог и металлическими шарами, которые весили 45 кг. Мог удерживать на тросе автомобиль, не разрешая ему ехать. Да много и других удивительных трюков показывал он на манеже цирка! И уже не мальчик Валя, а Валентин Иванович Дикуль стал народным артистом России. Но самое главное его достижение – это лечение больных. Он стал народным

целителем, помогает многим людям в клиниках. Ты спросишь: «А какое отношение имеет к этой истории кукла?» Сейчас продолжу.

Мадам Невеличка сказала, что эта история о том, как однажды дедушке Вале пришлось спасать обезьянку. Как-то вечером раздался звонок в дверь, и Валентин Иванович пошел открывать её для позднего неожиданного гостя. Он очень удивился, так как за дверью никого не было, а стоял огромный картонный ящик весь продырявленный. Приоткрыв крышку, Валентин Иванович на дне увидел маленькую обезьянку. Казалось, что она не дышит, но вот она с трудом приоткрыла глаза. Значит, она жива, но ей было очень плохо. Артист занёс коробку в дом, позвонил ветеринарному врачу в цирке. Ветеринарный врач – это такой доктор, который лечит животных. Они же тоже болеют. Врач ещё не ушел домой, так как в цирке среди животных были пациенты, которые требовали внимания и заботы: у ослика и слона болели животики. Валентин Иванович привез больную обезьянку к доктору. Обезьянка, а это был молодой самец зеленой мартышки, была в очень плохом состоянии. Я немного отвлекусь, чтобы тебе было понятней. Мальчиков или, правильнее сказать, особей мужского пола животных называют самцами, а девочек или особей женского пола – самками. Понятно? Так вот это был самец, мальчик, даже была записка в коробке, что его зовут Гриша. Гриша был сильно истощён: пальчики у него стали как ниточки, голова с трудом удерживалась на тонкой шейке. Хвостик стал совершенно лысый, так как обезьянки, когда сильно нервничают, могут выдергивать у себя шерстку. Кожа была тонкая. Он больше был похож на засушенную тощую воблу. Если бы Гриша не попал в руки ветеринарного врача, то ему грозила неминуемая смерть. Гришу стали лечить, и потихоньку он становился крепким симпатичным мартышонком. Не знаю правильно ли так говорить, но Мадам Невеличка его так называла. Только он был пугливым и очень-очень грустным. В цирке все знали историю маленького Гриши, приходили смотреть на него, но он всех боялся и прятался в домик. И долго из него не выходил. Врач и Валентин Иванович стали думать, как же помочь маленькому мартышонку? И придумали. В цирке была семья клоунов, и у них росла маленькая шестилетняя дочка. Звали её Клавой. Клава мечтала стать клоунессой. Папа и мама сшили ей яркий костюм, в котором Клава с удовольствием разгуливала по цирку. Вот взрослые и попросили девочку чаще бывать у вольера, где жил Гриша. Гриша постепенно привык к юной посетительнице, перестал её бояться. Он очень радовался приходу девочки, когда видел её рядом с клеткой. Брал у неё из рук фрукты, пожимал ей пальчики, даже пытался с

ней играть, просовывая ей через прутья мячик или палку. Цирковые дети растут рядом с животными, и знают, как к ним относиться. Клава совсем не боялась Гришу. И когда врач разрешил Грише совершать прогулки, она брала его на руки и ходила с ним по цирку. Скоро Гриша уже сам, держась за руку Клавы, гулял по манежу. Девочка делала различные упражнения, а Гриша повторял их за ней. Он оказался смышленным. И благодаря занятиям с Клавой быстро шел на поправку.

Время летит незаметно же. Клава подросла, стала выступать на манеже. И всегда неизменно рядом с ней выступал артист Гриша: симпатичная зеленая мартышка. Друг и соратник. Вот так любовь клоунессы Клавы вылечила мартышонка Гришу.

Надеюсь, Мариша, ты уже догадалась, как зовут куклу, которую сделала для тебя кукольница Мадам Невеличка? Конечно, это клоунесса Клава. Её тебе принесёт хороший человек Коша Ками. Кукла Клава будет всегда смотреть, как ты делаешь упражнения для укрепления ножек и ручек, будет вдохновлять на усиленную работу. Вы вместе с ней будете радоваться твоим успехам. После того, как твои ручки и ножки станут крепкими, то вы с ней пойдете в цирк. А когда вернётесь, то ты напишешь сама письмо старой кукольнице Мадам Невеличке, где расскажешь о своей дружбе с Клавой. Мадам Невеличке станет радостно.

А я по секрету, по большому-большому секрету, сообщаю, что Мадам Невеличка сейчас делает Обезьянку Гришу в костюме клоуна. Ты и подрасти ещё не успеешь, когда Коша Ками приведет к тебе и к Клаве мартышонка Гришу.

Жди, Маришка, Гришку!

Висит на хвосте обезьянка.
А родом она — африканка.
Хоть мал ее рост,
Зато ее хвост
Длинней, чем сама обезьянка.

С Маршак.

Оригинальненько

Рассказ № 21 из цикла «Кусочки жизни».

С Днем рожденья поздравит
И, конечно, оставит
Мне в подарок...
Тимофеевский А.

Сегодня день, когда на работе всё идет кувырком. Сегодня – День рождения директора! Точнее, директрисы. Планерка перенесена ближе к обеду. С утра – святое: поздравления. И искренние, и подхалимажные – все вперемешку. Если бы не большой стаж работы у нашей начальницы, то и трудно было бы отделить одни от других. Разве по стоимости подношений: у подхалимов дороже. Не любят, но несут. «Не могу я тебе в День рождения...». Это в старой песне. А у нас можно и нужно. А как же вы думали?! Все берется «на заметку». Хотя «ближний административный круг» сбросится деньгами. Может неоригинально, но разумно.

Праздник праздником, а финансовые документы подписывать надо. Из кабинета навстречу выходит «замша» со словами: «Не советую, пережди!» Выходим из приемной в коридор. Она рассказывает:

– Спускаемся по лестнице со второго этажа, а на встречу группа преподавателей! Все сразу начали поздравлять, только успевает директор говорить «Спасибо!» налево и направо. И тут, как всегда, наша самая – пресамая, Оксана Александровна, произносит «тронную-коронную» речь: «Ой! От всей души Вас поздравляю с Днем рождения! Я никогда не забываю про этот Ваш день! Вы родились в один день с моим бульдогом Фляком. Правда, вы должны помнить, что два года назад он умер, но я его так любила, что до сих пор отмечаю его Дни рождения и смерти! И про вас, благодаря этому, тоже вспоминаю. Вам же долгой жизни желаю!» Вот так и поздравила, хлопая глазами и тряся химическими кудельками. Поэтому и говорю тебе: «Подожди. Пусть кто-то другой проскользнет и примет удар на себя». Ну, как тебе поздравление? Оригинальненько?

– Да уж. Запоминающееся.

Железная логика Сбербанка

Рассказ № 2 из цикла "Ржа на железе".

Ой-ля-ля, ой-ля-ля! Завтра грабим....

Ю. Энтин. Песня разбойников из м/ф «Бременские музыканты».

Просторное помещение Сбербанка. Симпатичная улыбающаяся девушка с форменной зеленой косынкой-галстуком на шее встречает меня на входе, помогает в терминале взять талончик. Предлагает подождать на диванчике до того момента, когда мой номер очереди высветится на табло. И вот табло извещает меня, что пора идти к специалисту под номером пять.

Специалист под номером пять — очень симпатичная девушка в белой блузке с зеленой косыночкой, выглядывающей из-под воротничка, и очаровательной улыбкой на лице. Большие голубые глаза, накладные ресницы, алая помада, красные разрисованные ногти радуют глаз.

— Здравствуйте, девушка! Я могу открыть у вас карту «Мир», чтобы на неё переводить пенсию?

— Здравствуйте! Да зачем вам карта «Мир»?! Возьмите лучше у нас кредит на миллион.

Я удивлена и из-за этого задаю вопрос о кредите на миллион, хотя с моей пенсией он мне точно не нужен:

— А чем он лучше моей пенсионной карты?

— По нему проценты снижены. Это вам будет удобно. Так будем оформлять кредит? У вас паспорт с собой? — щебечет девушка и мило улыбается, хлопая ресницами. Красненькие ногти протягиваются к моему паспорту.

Я трясусь головой, стряхивая наваждение от скороговорки, и говорю, что будем открывать карту «Мир».

Улыбка сползла с лица специалиста под номером пять и больше не появлялась.

Тара Роси

Письмо тебе

Подумай обо мне, пожалуйста. Прочти обрывки мыслей. Мне так одиноко и спокойно без тебя, что порой это пугает. Так странно неделями ничего от тебя не слышать и так мирно течёт моя жизнь без нашей бушующей страсти. Что было между нами? Мы так и не договорили. Иногда мне хочется услышать твой голос, но я не знаю о чём спросить. Так трудно рассказать обо всём, да и ты не хочешь личного общения. Поэтому, я напишу тебе письмо. А если ты не прочтёшь его, то будет только лучше.

Лучи уходящего солнца нежно гладят гранит величавого города, щекоча напоследок мелкую рябь тёмной реки. Опускается вечер, и статные здания одно за другим вспыхивают огнями. Коническая крыша столетнего строения, напоминающая часовню с устроившимся у её основания орлом, пульсирует ультрамариновым светом, а вытянутые каменные арки под ней переливаются холодным белым. Дорожные ленты огибают прекрасные исторические памятники, чьи высокие колонны кутают жёлтые шали фонарей.

От одной только мысли как по этим самым улочкам когда-то давно, в окружении свит прогуливались императоры, обретали вдохновение поэты и шуршали длинными юбками столичные модницы, замирает сердце, и мечтательная улыбка освежает вечерний макияж. Трудно оторваться от столь завораживающей панорамы, но мне необходимо ещё кое-что успеть. Я хочу написать тебе письмо. Да, двадцать первый век – беспроводная передача информации и технологические новинки сполна обеспечили нас возможностями мгновенных сообщений. Но я хочу написать письмо... тебе... в этом величавом городе.

На светлой столешнице, имитирующей мрамор, уже ждёт своего часа белый лист. Пальцы сжимают ручку, и чернила жадно пропитывают целлюлозную кожу. Стараюсь писать разборчивей, обдумывая фразы, обговаривая сама с собой путающиеся мысли. И так.

Здравствуй, моё солнце!

Надеюсь, ты скучал. Хочется верить, что ты часто думаешь обо мне, несмотря на то, что, по сути, это ничего не меняет. Не буду лукавить, ты тоже иногда посещаешь мои мысли... всё реже и реже. В такие минуты мне хочется поговорить с тобой, но не знаю о чём. Спросить «как дела» и

ограничиться этим? Какой тогда смысл напоминать о себе? Поговорить о том, что осталось в прошлом? Хорошая идея, но ты её не поддержишь. Поэтому изложу свои чувства здесь, на этом тонком листе... всё, что не захотела тебе сказать; всё, что ты не захотел услышать. Солёные капли не испортят снежной белизны и не размоют тонкие линии чернил – нет причин для их появления. Это радует и пугает одновременно – слишком легко мы отказались друг от друга. Облегчённый вздох вместо бурной истерики, краткий кивок при встрече и безразличное «как ты». Что же тогда было между нами, милый? Что толкало нас на безумие? Что же обращало нас в пепел?

Как там гласила строка стихотворения, что ты мне читал: «Любовники погибнут, но не сама любовь»? А что это? И была ли она у нас? Если и была, то вопреки... вопреки здравому смыслу и обстоятельствам. Сотканная из противоречий и пропитанная твоими вспышками, то обожания, то гнева. Мне так хотелось быть рядом, быть единственной, любимой тобою. Столь же сильно мне хотелось сохранить свою прежнюю жизнь, с таким трудом выстроенный мир. Бесконечными уходами ты рвал моё сердце в клочья, но с каждым разом всё меньше и меньше. Я принимала тебя вновь, отлично понимая, что это временно и очередное расставание не за горами. И то, что однажды ты не вернёшься. Так и вышло. Всё настолько предсказуемо в этой жизни, что порой становится скучно. Если задуматься, то твой возможный ход с предложением «руки и сердца» стал бы серьёзным поводом моему бегству. Потому что есть что терять, есть за что бороться... и это не ты. Как же прекрасно, что и я не являюсь объектом твоей борьбы.

А жаль... Ты уводил меня в иное измерение, где были только мы, вдвоём. Я прощала тебе всё, а ты ни за что меня не осуждал. Мы мечтали о том, чего не могло быть; рисовали будущее, которому априори не суждено сбыться. Сладкий опиум для двоих, желанная кома, упоительная летаргия. Всё прошло и очертания реальной жизни проступили через ослепляющий свет, перечеркнув красивую сказку одной твоей фразой: «мы должны расстаться, не держи меня». Наверное, лучший из возможных финалов, всецело устраивающий меня исход. «Конечно, иди» – словно ничего и случилось. Пустота в каменном сердце не мешает мне жить, она лишь напоминает о свойственной человеку уязвимости. Посему, прости и прощай, мой когда-то любимый человек... моё угасшее Солнце.

Текст готов. Подушечки пальцев аккуратно сжимают шершавый листок. Нет, электронное сообщение – это совершенно не то. С настоящим письмом можно и помечтать. И я уже представляю, как ты

берёшь его в руки, как хрустит распрямляющаяся бумага, как пристальный взгляд пробегает по ровным строчкам. Богатое воображение моделирует знакомый голос; и я достаточно хорошо тебя знаю, чтобы выстроить и твой ответ, и твою реакцию. Вот так можно поговорить с проекцией близкого человека, это куда интереснее скупого «Всё хорошо. А ты как?».

Довольная и содержанием, и внешним видом письма, осторожно складываю его, прячу в конверт — идеально. Блестящая зажигалка ложится в руку, приятно щёлкнув, высовывает тонкий яркий язычок. Он дрожит, переливаясь золотом. Голод этого малыша неутолим, и я не собираюсь его дразнить. Вот он касается острого уголка конверта, с упоением лижет сахарный лист, выплёвывая тонкие нити дыма, потрескивая от удовольствия. Осторожно уложив горящий конверт на блюдце, внимательно смотрю, как сияющая бахрома разрастается по целлюлозной глади, оставляя пепельно-коричневую полосу с красноватым искрящимся люрексом. Завораживающее зрелище.

Запах дыма смешивается с нотами чернил и бумаги; серые щупальца извиваются шифоновыми лентами в беснующемся танце. Чёткие у основания и тающие в воздухе, они переплетаются, закручиваются в спирали, расширяются подобно куполам древних соборов. С улыбкой наблюдаю за тем, как горят мои мысли и чувства. Спросишь, зачем я уничтожила то, что изначально предназначалось тебе? Всё просто. На этом фарфоровом блюдце горит моя слабость, а я ненавижу быть слабой. И уж тем более не хочу, чтобы ты видел меня такой. Думаю, ты не сильно расстроился.

Посмотрев на часы, понимаю, что время самобичевания вышло и более интересные события уже ждут меня. Придирчивый взгляд в зеркало, и непослушная прядь лёгким движением кисти отправляется за спину, отчего увесистая жемчужина, покачнувшись подобно языку колокола, ударяет по платиновым завиткам. Выпрямившись во весь рост, провожу рукой по прохладному чёрному шёлку, обнимающему стройное тело — отражение в зеркале радуется мне.

Настойчивый стук в дверь нарушает воцарившуюся гармонию. Высокий молодой мужчина, широко улыбаясь, заглядывает в мой номер.

— Кира Генриховна, нам уже пора.

— Знаю, — фыркаю, накрывая догорающие клочки бумаги фарфоровой чашкой. — Я готова.

Протянув руку в пригласительном жесте, гость оценивающе рассматривает меня с ног до головы.

— Прекрасно выглядишь, дорогая.

— Спасибо, — улыбаюсь, сжимая его предплечье.

Эхо разносит цокот каблучков по широкому коридору, копии античных скульптур следят за нами, провожая взглядом.

— Кирочка, на этом мероприятии будет сам Митомо Акира. Это отличная возможность лично обсудить вопросы сотрудничества.

— Это твоя зона ответственности, Юра, — ухмыляюсь ему, протягивая консьержу ключ от номера.

— Без технической части, моя дорогая, предметный разговор не склеится, поэтому ты мне очень нужна там. Кстати, тебе известно, что японцам очень нравятся златовласые девушки?

— Мне не совсем понятно, чего именно ты хочешь. Чтобы я поразила Митомо-сана своим умом или внешностью?

— Кирочка, милая, чтобы мужчина обратил внимание на твой ум, ты сначала должна заинтересовать его внешне, — улыбается Юра, открывая передо мной парадную дверь.

— Я давно убедилась в простой истине, — равнодушно отвечаю, выходя из здания. — Если мужчину заинтересовала твоя внешность, то ему уже нет никакого дела ни до ума, ни до богатого внутреннего мира.

Тонкие каблочки приятно постукивают по мощёной дорожке, чёрный лаковый автомобиль уже ожидает нас. Сжав мою руку, Юра шепчет на ухо:

— Кира, оставь, пожалуйста, рыжую стерву здесь. Мне нужна приветливая и очаровательная спутница с глубокими познаниями физико-химических процессов.

— Неприкрытое потребительское отношение, — констатирую, закатив глаза и приподняв подол длинного платья. — Кому интересны мои долгие, нудные рассуждения?

Открыв дверцу седана, Юра помогает мне опуститься на заднее сидение. Устроившись поудобнее, наблюдаю за тем, как он обходит машину, чтобы сесть рядом. А ведь был такой человек, которому нравились мои рассуждения. А может, он лишь делал вид? Может, он попросту был таким же потребителем моей души и тела? Кто знает? Да и какое это сейчас имеет значение?

Громкий стук двери обрывает мысли; кожаное кресло вминается, и шёлк платья заставляет меня медленно ехать к своему спутнику. Машина плавно трогается. Яркий бисер огней сливается в размытые ленты. Юра сжимает мою ладонь, целует запястье.

— Я обязательно послушаю твои рассуждения на тему несовершенства человеческой психологии, но в другой раз. Например, в ресторане, за вкусным ужином.

— Что ж, тогда я надену платье с глубоким декольте, чтобы тебе было приятней меня слушать, — холодно отвечаю ему, всматриваясь в пейзаж за окном.

— Кирочка, я просил оставить стерву в гостинице.

— Считаю, что оставила.

Я уже не слушаю его напутствий, сейчас меня занимает только прекрасный вид величавого города. Эти статные здания, увенчанные огнями; столетняя часовня с орлом, пульсирующая ультрамариновым светом; вытянутые каменные арки, переливающиеся холодным белым; дорожные ленты и высокие колонны, укутанные жёлтыми шалями фонарей. От одной только мысли как по этим самым улочкам когда-то давно, в окружении свит прогуливались императоры, обретали вдохновение поэты и шуршали длинными юбками столичные модницы, замирает сердце и мечтательная улыбка освежает вечерний макияж. Этот сказочный город, который я так люблю летом... который напоминает о тебе. Не знаю почему.

Любовь Кошелева

Несостоявшаяся любовь

Встреча двух людей – это встреча двух химических элементов.
Реакция может и не произойти, но если произойдёт, изменятся оба.

Карл Юнг

– Скажи, Владимир, я тебе нравлюсь как женщина? – задала она вопрос соседу.

– Ты красивая, – ответил он.

– Женись на мне!

– Ты делаешь мне предложение?

– Ну да. Что тебя смущает? Я работающая, материально обеспеченная.

– Предложение заманчивое. Я сам устал от одиночества. Особенно в долгие зимние вечера. Конечно, хочется, чтобы рядом был кто-нибудь, с кем можно было бы поговорить, провести остаток дней своих.

– Ладно, забудь то, что я тебе сейчас сказала.

– Подожди. Почему ты так резко меняешь решения? Не торопись. Я же не отказываюсь. Давай начнём общаться, чтобы лучше узнать друг друга, приглядеться друг к другу. Ты мне нравишься, но нужно понять, подходим ли мы друг другу.

Людмила находилась в состоянии активного поиска мужа. Понимала, что на эти поиски ей отведён короткий отрезок жизни. Её шансы выйти замуж с каждым годом уменьшались. Она была в том возрасте, когда женщина еще остаётся привлекательной, стройной, но приметы увядания постепенно начинают проявляться. Небольшие отёки под глазами после пробуждения, морщинки возле глаз и на щеках, истончающаяся кожа рук, которой уже никакой крем не помогал.

– Я за тобой наблюдаю, – заявил Владимир, – в последнее время у тебя год идёт за два.

Особой деликатностью он не отличался: что думал, то и говорил: «Да и я, конечно, не молодею. Я зачем это говорю? Не для того, чтобы тебя обидеть. Я хочу сказать, что нужно успеть привязаться друг к другу, чтобы потом доживать вместе. Вместе быть не просто. Особенно в нашем с тобой возрасте».

В душе она чувствовала себя достаточно молодой, полной сил и энергии, оставалась наивной и доверчивой.

Мила (ей нравилось, когда её так называли) искала повод зайти к соседу в гости. И не потому, что он очень нравился, а потому, что устала от одиночества. Надоело выполнять по дому всю мужскую работу: что-то подкручивать, подвинчивать, менять, прочищать. Хотелось найти опору и надёжную защиту. Готовить для кого-нибудь, заботиться о ком-нибудь. Одним словом, надо было найти того, на кого можно было бы обрушить свою нерастратченную нежность и любовь и перевесить бытовые проблемы.

Позвонила ему по телефону:

– У тебя есть какая-нибудь интересная книга? Мне совершенно нечего читать.

– Конечно, заходи, посмотришь, выберешь.

Он предложил ей вина, она отказалась.

– Если можно, горячего чая с молоком.

Часа три пролетели незаметно. Говорили обо всём. Он рассказывал о своей семье: отце, матери, братьях и сёстрах. Говорил, что с детства приохотился к чтению (соседская девочка заразила этой страстью). В девятом классе активно изучал статьи в научных журналах, выиграл Всероссийскую олимпиаду по математике, впоследствии поступил в МГУ, работал в Курчатовском институте...

– Ты был женат?

– Да.

– Где сейчас твоя жена?

– Мы развелись.

– Почему?

– Были оба молодые и дурные.

– А дети есть?

– Да, взрослая дочь. Живёт отдельно.

Стемнело. «Я пойду», – сказала Людмила.

Он предложил ей остаться у него. Она отказалась.

– Понимаешь, я не могу. Не хочу, чтобы по городу поползли слухи.

Да и мне самой себя уважать хочется.

– Ты же хочешь быть со мной. Какая разница: есть штамп в паспорте или нет. От штампа любви ни прибавится, ни убавится. Останься.

– Извини. Не могу.

– Я всегда добиваюсь своего, – проговорил он негромко, провожая её.

Ей стало неприятно от этих слов. «Неужели мужчин привлекает только женское тело? И вся их любовь сводится к тому, чтобы овладеть женщиной?»

В то же время она старательно приручала его к себе: кормила блинчиками, пирогами, пловом. Когда он что-то рассказывал, с восхищением смотрела ему в глаза, делала ему комплименты: «Какой ты умный! У тебя на всё есть своё мнение, не банальное, не почерпнутое из книг, не взятое из интернета, а своё, выношенное, взвешенное, продуманное. У тебя железная логика. Ты легко разбираешь все мои умозаключения в пух и прах! Как много ты знаешь!»

– В последнее время я часто думаю о том, что если бы мне дали шанс заново прожить молодость, я потратил бы её исключительно на знания. В мире так много того, чего я ещё не знаю, – признался он.

С ним было интересно. Говорил он неспешно, не любил, когда его перебивали. Как-то рассказывал какую-то длинную сказку. Она, не выдержав, захотела продемонстрировать свой ум и сообразительность, взяла инициативу в свои руки и попыталась предугадать дальнейшее развитие сюжета. Он замолчал.

– Мне эту сказку в детстве рассказывала мать. Она была прекрасной сказительницей.

– Прости меня, – промолвила Людмила. – Продолжай, пожалуйста.

Он стал говорить совсем о другом.

Владимир был последним, шестым ребёнком в семье, «поскрёбышем», самым любимым. Мать старалась обласкать его, уберечь от грубой жизни. Отец воспитывал в строгости и послушании. Нагружал работой, обучал разным ремёслам. Но отцу нравилось, что ребёнок много читает...

– Я полюбил тебя, – заявил однажды Владимир.

– Не любил, не любил и вдруг полюбил, – удивилась Мила. – Как это?

– Внутри что-то щелкнуло. Теперь всё зависит от тебя.

Людмила не стала выяснять, что это всё. Она ему не поверила.

– Ты меня не уважаешь, – прошептала она, уходя.

– Уважаешь. Не уважаешь. Мне бы твои проблемы.

Для женщины любовь – это забота. Она чувствует себя любимой, когда о ней заботятся, опекают, помогают.

Мила не видела заботы о ней с его стороны, он никак не давал понять, что она занимает важное место в его жизни. Напротив, иногда, выкладывая на стол коробку конфет, случайно или специально, чтобы пробудить её ревность, говорил: «Это Иришка подарила» (Иришка – это другая соседка, тоже одинокая).

Несколько дней после его «признания» в любви она старалась не попадаться ему на глаза. Даже дом его обходила стороной. Но по

вечерам было скучно, не хватало общения. «Почему бы нам не быть просто друзьями?» – задавала Мила себе вопрос. Да, она знала, что просто дружбы между мужчиной и женщиной быть не может. Но они с соседом были не молодыми. Лично её устроили бы дружеские отношения. Замуж за Владимира она уже не собиралась: понимала, что они очень разные, не подходят друг другу по темпераменту, привычкам. Но скучала по беседам.

Накануне ей показалось, что он уехал в Москву. Вечером не было его машины. Зияло пустотой то место, где она (машина) раньше стояла. Мила даже приоткрыла плотные шторы, чтобы подглядывать: подъехал – не подъехал. На сердце опустилась тоска. Почему-то нужно было, чтобы он был рядом, никуда не уезжал. Вот странная какая: мириться не хотела, соблюдала гордость. Думала: пусть он проявляет инициативу, звонит, предлагает встретиться, останавливает её, когда она проходит мимо его дома. А сердце ждало встреч, сердце хотело биться от волнения, от радости общения. Сердце хотело жить...

Что же делать? Как вести себя? Ведь он мужчина, это он должен добиваться её, ухаживать за нею.

Его раздражало, когда Людмила подчёркивала разницу между ним и собой, основанную по половому принципу.

– Никакой разницы нет. Мы люди. Человеки, а не мужчина и женщина.

– Разница колоссальная! – возражала она. – Мы к миру относимся по-разному: для вас, мужчин, главное – цель, перспектива. Вы мечтаете чего-нибудь добиться, состояться, быть социально признанными. Женщине важнее детали, мелочи, она определяет, как жить, общаться, любить и т.д.

– Глупости ты говоришь! – резко говорил Владимир.

– Ты заметил, что для тебя важна информация, а для меня – эмоции, чувства? Да, я иногда веду себя очень странно: только что говорила одно, вдруг – совершенно противоположное. Я импульсивна, порою поступаю необдуманно, по первому порыву. Потом жалею об этом. Женщина не умеет взвешивать всё по сто раз и принимать верное решение (наиболее рациональное). Но у нас хорошо развита интуиция. Мы поступаем так, как нам подсказывает сердце. Слышал такое выражение: «по наитию»?

– Бред!

– По наитию – под действием шестого чувства...

– Это вы умеете – жить неосознанно, тупо...

– О Боже, почему ты стараешься выглядеть хуже, чем ты есть на самом деле?

– Я такой, какой я есть. И ничего из себя не строю...

– Не помню, где я это прочитала, что основная задача женщины – выбрать достойного мужчину, человека, которого есть за что уважать и ценить.

– Это что значит: ты будешь искать, перебирать?

– Это происходит на уровне понимания.

– В народе это называется по-другому...

Людмила не обиделась, просто спросила: «Ты извиниться не хочешь?» Спросила спокойным, ровным голосом.

– Я никогда не извиняюсь. Если хочешь, чтобы я извинился, приходи ко мне, извинюсь.

Она сразу вспомнила его фразу: «Я всегда добиваюсь своего». Естественно, ни звонить, ни приходить она не собиралась, однако по-прежнему тосковала. Начала есть много сладкого, утоляя тем самым свою печаль, одиночество.

Как-то утром развешивала бельё на балконе, делала это не спеша, старательно встряхивая каждую вещь, закрепляя её прищепкой. Не торопилась, потому что соскучилась по нему, его коротким, ни к чему не обязывающим вопросам: «Как дела? Как день провела? Чем занималась?» Его резким замечаниям, его советам. Он был умелым, мастеровым, постоянно что-то улучшал: то калитку менял, то гаражные ворота переделывал, чтобы они открывалась автоматически, то тротуарную плитку клал возле своего дома.

Он был в своём садике, когда она развешивала бельё, поднял глаза вверх, сказал: «Привет!». У него глаза побитой собаки. Видно, что сильно переживал эту неделю, когда они не общались из-за того, что он нагрубил...

– Что-то ты не звонишь, не заходишь? – тихим голосом спросил Владимир.

Она почувствовала его страх потерять её. Видно, и у него выработалась потребность видиться, говорить, обсуждать что-то. Ей показалось, что за эту неделю он даже исхудал, приуныл. Зачем хамил?

– У меня перестало закрываться окно. Ты не посмотришь, что с ним? – волнуясь, спросила Людмила.

«Так, надо успокоиться, взять себя в руки, не показывать, что я заинтересована в нём, скучаю по нему, – приказывала себе она. – Подумает ещё, что я жутко к нему привязалась» (так оно на самом деле и было).

Где-то она прочитала, что любовь – совокупность взаимной доброжелательности партнёров и их концентрации друг на друге. При этом мужчинам легко быть доброжелательными, но они рассеивают своё внимание, то есть им трудно быть верными. А женщины, наоборот, быстро и легко привязываются (влюбляются, готовы хранить верность), а по-хорошему относиться к мужчинам, особенно когда те ветрены и легкомысленны, не могут, обижаются, не прощают. Вот она и разница.

Вечером он пришёл, но починить окно не удавалось.

– Я спрошу у мужиков, что с ним делать, – сказал Владимир.

– Ладно, садись пить чай. Отдохни.

– Я тут недавно анекдот прочитал. Послушай, – обратился он. – Сначала Бог создал землю и отдохнул. Потом Бог создал мужчину и снова отдохнул. Потом Бог создал женщину, с этого момента ни Богу, ни мужчине не удавалось отдохнуть.

– Согласись, что без нас, женщин, вам было бы скучно жить.

– Конечно, кто же еще намекнёт мужчине на его лысину и живот.

Людмила не знала, что мужчины так болезненно реагируют на эти замечания. У неё в голове крутилась фраза, что мужчина должен быть чуть-чуть красивее обезьяны. Как-то неосторожно она «прошлась» по его лысине и животику. Думала: забавно, оказалось – обидела.

Он был трезвомыслящим человеком: «Нет ничего, кроме этого мгновения здесь и сейчас. Надо уметь видеть красоту восхода и заката, полёта птицы. Надо жить без оглядки (грех - не грех). Гореть от любви...»

– Моя нынешняя жизнь будет определять последующую, – заявляла она.

– Зачем тебе ещё жизнь, ты этой-то не умеешь радоваться. Ты не живёшь...

Она пристально посмотрела на него: надутый индюк. Самоуверенный, наглый. «Нет, он никогда не будет уважать меня!» – подумала она, а вслух сказала:

– Забери свою книгу. Мы так часто с тобой ссоримся, что будет лучше, если я ничего тебе не буду должна.

– Мы ругаемся? – удивился он.

Владимир не замечал оскорблений там, где их видела она. Ему казалось, что он просто откровенно выражает свои мысли и чувства. Она же по природе своей была очень ранимой и обидчивой.

«Слова не скажи ей», – ворчал он.

Людмила не умела держать паузу, первой шла на контакт, даже если считала его в чём-то виноватым. «Гордости у тебя нет! – внушала ей её лучшая подруга (она жила в другом городе). – Надо уважать себя, тогда и другие тебя будут уважать».

– Это ты не понимаешь, – возражала она подруге. – Мне, чтобы жить, надо любить. Без любви я умираю...

Вновь, не дождавшись инициативы с его стороны, Мила позвонила Владимиру:

– Володя, почему ты не звонишь, не заходишь?

– У нас нет тем для разговора, – ответил он достаточно резко.

Странно, но на душе стало спокойно. Она перестала ждать, перестала надеяться, поняла: ничего с Владимиром у неё не получится. Ничего и не могло быть. Но надо было пройти этот путь волнения, напряжения, самообвинений: а не была ли я слишком резкой? Не обидела ли? Не задела ли самолюбие мужское? Не показалась ли грубой?

Оказывается, если мужчина по-настоящему не заинтересован в женщине, он не будет напрягаться, прилагать усилия, стараться. Он переложит ответственность на женщину и будет играть её чувствами. А когда поймёт, что ничего не получит, просто отойдёт в сторону. А если она не сможет сразу отпустить его, он скажет об этом прямо и грубо, чтобы «как отрезало»...

НАДО ДАЛЬШЕ ЖИТЬ

Прошло три года. Три трудных, мучительных года без него. За это время она многократно обвиняла себя в его смерти. Инфаркт...

В чём её вина? Она не смогла простить ему измену и постоянно упрекала его.

Добрые люди намекали на его неверность. Он же уверял, что любит её и никого у него нет, никаких других женщин. Ей не хотелось ничего менять. Стабильность, статус замужней женщины, материальная обеспеченность (хороший дом в городе, машина, возможность путешествовать) крепко держали её в своих тисках.

Порою он был груб. «Если тебя что-то не устраивает, собирай чемодан и переезжай в свою квартиру» (несколько лет назад он купил ей отдельную квартиру). Она боялась остаться одинокой. Близилась старость. Кому она нужна? Никому. Прекрасно понимала, что новой семьи ей уже не создать.

Вспомнила день свадьбы. Ей самой она казалась красивой. Но вот в её комнату заходит он. Мельком взглянул на неё. Никакого восхищения в его взгляде не было. Скорее, разочарование. Он ожидал чего-то другого. Возможно, он не любил её даже тогда. Говоря современным языком – «гормоны»...

С годами непонимание и неумение дорожить друг другом только возрастали. Не было уважения...

Однажды она принесла домой картину художника Широва «Утро в горах».

– Нравится? – спросила мужа.

– Ты такую сама можешь нарисовать. Да и вообще расставила всё. На телевизоре ничего не должно быть. На стереосистеме – тоже.

Она всё убрала, обиделась, расплакалась.

– Тебе хоть что-нибудь когда-нибудь из того, что я делаю, нравится? – надулась она и потом надолго замолчала.

Недовольство мужем дало определённые результаты: мастопатию, проблемы с правым яичником и миому матки. В тридцать с небольшим попала в клинику неврозов. После медитации на приёме у психотерапевта узнала, что отождествляет себя со слоном.

– Как же так? – недоумевая, спросила она. – Всю жизнь я воспринимала себя загнанной лошастью...

– Так слон больше поднять может! – воскликнул врач, объясняя сложные метаморфозы подсознания.

На одном из занятий нужно было нарисовать человека и раскрасить его. Оболочка человека – рыжая, что символизирует любовь. Врач сказал: «Это и есть твоя миссия – нести в мир любовь. Любить». Как любить? Она не знала. Она задыхалась дома от ощущения стеснённого пространства.

– Вы свободны, – заявил психотерапевт, когда сеанс подошёл к концу.

Свободна! Свободна! Её душа ликовала. Казалось: выросли крылья. Но это состояние полёта длилось совсем недолго. В глазах прохожих она прочитала осуждение: «Чему обрадовалась, дурочка?» Крылья опали. Или их надломили?

Периоды депрессии становились частыми. Катастрофически не хватало энергии, всё казалось бесполезным, не было желания жить, спала целыми сутками, скучала. Знакомые советовали: «Роди! Может, тогда жизнь обретёт смысл. Станет разнообразной, насыщенной. Появится цель – вырастить ребёнка!»

«Зачем плодить себе подобных? – думала она. – Чтобы дети так же маялись? Не хочу!»

Она не умела говорить, что ей нравится, а что нет, что раздражает, обижает, а что кажется восхитительным, что вдохновляет, заражает желанием делать что-то для него. Они не интересовались жизнью друг друга, прожили вместе 19 лет, но так и не стали близкими, родными людьми.

Её муж не понимал намёков, скрытых просьб. А она стеснялась быть откровенной и открытой с ним. Думала: он сам должен обо всём догадаться. Ей не хватало женской мягкости, нежности и гибкости.

Главное, что она долго не могла усвоить, – это то, что надо научиться защищать своё пространство и уважать чужое.

Она не любила ходить в гости и принимать других у себя. «Гости досаждают, – считала она. – Они крадут время, силы. Но их дом всегда был полон гостей, которых приглашал он, которым радовался он, а обслуживала (покупала продукты, готовила, стирала, убирала дом, водила гостей по магазинам, чтобы они могли что-нибудь приобрести), она.

Она никогда не умела говорить «нет» так, чтобы потом не испытывать чувства вины, чтобы не мучила совесть. И от других она не могла спокойно принимать отказ, обижалась до слёз, а потом и вообще разучилась о чём-либо просить.

Ей казалось, что она жертвовала своими привязанностями ради его друзей (её подруги потихоньку уходили в тень). У неё не стало собственных потребностей и интересов. Она перестала быть собой, перестала понимать, а чего собственно хочется ей. Даже в постели вся инициатива исходила от него. «Чего ты хочешь?» – спрашивала она и старалась угождать.

Она была не свободной, а зависимой. Когда решила бросить аспирантуру (муж не соглашался переезжать в другой город, где была аспирантура, а научный руководитель требовал переезда и замены заочной формы обучения очной), коллега с кафедры пробовала её остановить: «Аспирантура – это гарантия личного и профессионального роста, это возможность защитить диссертацию и иметь приличный заработок, это независимость. Отношения с мужем могут не сложиться. А женщина должна быть самостоятельной». Конечно же, она не последовала совету коллеги. Тогда ей казалось, что бросила аспирантуру ради семьи.

Ей не нравилось, что её ценили и хвалили только за приготовление пищи. Одна её знакомая, отведав приготовленный ею торт «Птичье молоко», сказала: «Если бы я так умела печь, ушла бы из университета и занималась лишь приготовлением тортов».

– Неужели меня больше не за что ценить? – недоумевала она (тогда тоже преподаватель университета).

Ей хотелось обнаружить в себе какой-нибудь замечательный талант. Сорок два года, а она всё, как девочка, ждала какого-нибудь чуда.

Её голос, в котором звенели колокольчики, был не по возрасту молод. Колокольчики переставали звенеть, когда она грустила или была чем-нибудь недовольна. Голос сразу становился монотонным, выдавал и возраст, и накопленную усталость.

При чём здесь голос? Её мучает вопрос: почему? Почему двое неплохих (каждый по отдельности) людей не могут быть счастливы вместе? Почему не слышат, не понимают друг друга?

Ей казалось, что он считает её дурой, не интересной, не яркой, скучной. Единственное, что он не выносил, – это слезы. Он не мог видеть, как она плачет, и сразу сдавался, уступал: только не реви!

Боль прошлого не уходит. Прошное держит, давит. Оказывается, проще простить других, чем себя. Не ценила, не была благодарна ему за то, что он делал для семьи. Может, не любила.

Вспомнила, как играли с внучатым племянником: он выходил в коридор, прикрывая за собою дверь, ведущую в зал. Она громко спрашивала:

– Где же наш Ваня? Нету нигде Вани, нашей радости.

В зал вбегал Ваня. Глаза его блестели. Она широко раскидывала (для объятий) руки. Потом обнимала ребёнка, смотря в его глаза:

– Вот он, наша радость, наше солнышко, наше счастье!

Когда они с Ваней рассматривали фотографии, она повторяла:

– Это дед. Он хороший!

– Нека, – отвечал внук.

– Ага, – мысленно замечала она, – бабу Ваня любит, а дед – нет.

Эта мысль приносила удовлетворение.

Входит муж и протягивает Ване руку. Внук радостно подаёт свою. Оказывается, у ребёнка была неувязка между фото и живым дедом. Этот факт (дед тоже любим!) её расстроил.

Ей хотелось, чтобы в их семейных неурядицах люди считали виноватым его, а не её. Она-то хорошая, это он – гад!

В период, когда отношения совсем расстроились, она перестала вставать рано по утрам, чтобы провожать его в командировки. Он сам заглядывал в комнату и говорил, будя её своим голосом:

– Ну, я поехал.

Она открывала глаза и произносила (очень искренне):

– Какой ты красивый. Тебе так идёт эта рубашка!

В голосе была нежность...

Однако такие моменты становились всё реже и реже. Пропасть между ними всё увеличивалась, росло отчуждение. Когда позвонили из больницы и сообщили, что умер его отец, она, желая выразить сострадание, положила свою руку поверх его. Он с неприязнью высвободил свою. Он не хотел принимать её помощь и сочувствие...

В последнее время она опустилась в своей подозрительности до того, что проверяла его электронную почту, телефон и не верила ни одному его слову. Боль заполнила всё её сердце, и она перестала верить не только мужу, но и всем вообще. Сердце окаменело и закрылось.

Первый сердечный приступ у него случился тогда, когда она предложила развестись. «Ты любишь другую, давай разведёмся, ты сможешь быть счастливым». Он стал бледным, начал задыхаться, ему не хватало воздуха.

– Скорую не вызывай! Лучше я умру.

Она не поверила, что это не имитация, а настоящий приступ, думала, что он просто не хочет делить совместно нажитое имущество. А скорую просит не вызывать, чтобы его не разоблачили.

Примерно через полгода – второй приступ.

– Что со мной? – тихо спросил он.

– Я не знаю, – ответила она.

И только когда его лицо стало синеть, бросилась его обнимать: «Пожалуйста, не умирай. Начнём всё сначала». Поздно...

Учитель от Бога

Светлой памяти Татьяны Ивановны Селезнёвой

– Гимназия слушает, – взяла трубку школьный секретарь Татьяна Васильевна.

– А Вы знаете, что Татьяна Ивановна умирает? У неё рак. И никто из вас не приходит, не навещает её, – упреки продолжали литься из телефонной трубки.

Звонила свекровь. Она знала, что её невестка была человеком широкой души, буквально горела на работе, отдавала себя целиком, без остатка. И вот теперь, когда случилась беда с Татьяной, никто из коллег не пришёл на помощь.

– Но мы же не знали, что она заболела раком, – оправдывались учителя.

– Да, я тоже считала, что Татьяна Ивановна находится в отпуске по уходу за ребёнком. (Несколько месяцев назад Татьяна родила дочку Настеньку), – пробормотала Мария Ивановна.

Врачи долгое время ставили диагноз: бесплодие. Татьяне было уже за тридцать, и ей очень хотелось иметь своего ребёнка. Да, она знала, что ученики гимназии, где она работала, ценят её (один десятиклассник даже объяснился в любви, просил подождать, когда он станет совершеннолетним). Муж ревновал её к работе. А она мечтала совершить чудо: родить маленького человечка!

В день, когда это всё-таки произошло, муж губной помадой написал на зеркале: «Ура! Я – отец! Спасибо, любимая!»

Когда Настеньке исполнилось несколько месяцев, у Татьяны начался какой-то воспалительный процесс: температура 37,2. Не придавала этому значение. Через несколько недель поставили диагноз: лимфогранулематоз.

Химиотерапия; больницы, сменяющие одна другую; выпали ресницы и волосы на голове. Будучи тяжелобольной, Татьяна Ивановна откашливалась, собирала волю в кулак и звонила кому-нибудь из знакомых, говоря, что у неё всё в порядке. Интересовалась, как идут дела, давала полезные советы, подбадривала хандрящих.

В конце декабря наступило резкое ухудшение. Химиотерапия не помогала. Татьяне Ивановне был дан знак, чтобы она завершала земные дела. Подводила итоги. Раздавала долги.

В это время ей приснился сон. Лето. Она – в стройотрядовской форме. На спине – рюкзак. За руку ведёт Настю. Та – в платье. Мать говорит дочери: «Ты платье-то подбери. Путь нам предстоит долгий». Они оказываются в пещере. Пробираются через какой-то разрушенный храм. Где-то впереди брезжит свет. Чтобы добраться до этого просвета, надо подниматься вверх. И вот Татьяна Ивановна с Настей наверху. Но...это скалистый обрыв. Спуска вниз нет...

В марте Татьяну Ивановну положили в больницу. В день её рождения подруги украсили её палату растяжкой «С днём рождения!». Она ещё выходила на прогулки. Однажды сказала, что перед нею постоянно шёл голубь.

– Это хороший знак: ты поправишься, – уверенно сказала Марина.

– Нет, это пришли за моей душой. Вообще мне идёт информация, чтобы я перестала заботиться о теле и занялась духом. Как жаль. Так не хочется оставлять Настеньку.

Татьяна Ивановна просила читать Акафист Ксении Блаженной, главы из Библии (сцены, когда Иисус воскрешал из мёртвых, исцелял больных). «Каждому будет дано по его вере». Она верила.

В день похорон тело Татьяны Ивановны подвезли к школе, в которой она проработала около десяти лет. Директор в прощальной речи заметила: «Это учитель от Бога».

Одна из учительниц во время поминок неосторожно (назидательным тоном!) сказала в частной беседе: «Вот, девочки, не надо идти против природы. Раз не дано иметь детей, значит, и не надо...»

– Может, рождение Насти стоит всего этого, – резко возразила выпускница.

Бывшие ученики Татьяны Ивановны вспоминали, что она проявляла интерес к личности каждого учащегося: сильного и слабого, честного и бессовестного – и старалась в каждом увидеть его лучшие черты. Татьяна Ивановна успевала всё: писать сценарии школьных праздников, выступать на капустниках, вечерах, участвовать в КВН, работать в школьном пресс-центре. Она была очень талантливой: пела, танцевала, обладала прекрасным чувством юмора. Сыграла много ярких ролей. Была душой любого праздника. Щедра на выдумки. Бескорыстно делилась идеями. В её глазах горела искорка Божия. На Последнем Звонке и выпускном вечере именно её встречали шквалом аплодисментов. Поражённые энергичностью и отзывчивостью Татьяны Ивановны, ученики как-то спросили её:

– Как Вы всё успеваете?

– Боюсь остановиться. Пока двигаюсь – живу.

Луч Света. Луч Солнца. Она и ушла в Свет.

ТАЙ-ПАНГ

Не в силах справиться со своей болью, Юля не знала, с кем её (боль) можно разделить. Родителям своим Юля ничего не рассказывала, так как мать считала, что дочери крупно повезло с мужем: не пьёт, не курит, не скандалит, руки не распускает. Всё отлично! Образование высшее, сам многое по дому делает. Рукастый. С сестрой Юля давно не виделась, да и не были они никогда близкими людьми. Как-то выросли и разбежались в разные стороны. Настоящих друзей тоже не было.

Боль свою понесла чужим людям. Нашла семинары, на которых обучали способам разрешения семейных конфликтов, учили работать с энергиями, видеть ауру. В то время Юля готова была в омут с головой. Только сейчас понимает, в каких рискованных экспериментах принимала

участие. Однажды был выездной семинар в горах. Стояли лагерем на берегу холодной реки. Каждый день окунались в ледяную воду по несколько раз. На берегу занимались йогой.

Как-то вечером, во время медитации, возникло ощущение, что Юли нет...Нет головы. Вместо неё — светящийся шар. Юлю скручивало и раскручивало несколько раз. Потом показалось, что какая-то пробка вылетела из основания позвоночника. А всё тело как будто накачивается насосом. Видела много-много ступенек, ведущих в гору. Но на самом верху двери были закрыты.

Иногда у Юли сознание не отключалось. «Я склоняюсь перед мудростью Бога, Вечности», — мысленно произнесла она во время одной из медитаций. Потом вспомнила, что поставила перед собой задачу по развитию воли. Попробовала волевым усилием приподнять склонённую голову: «Я сильная! Я всё могу!» Но какая-то сила заставила наклонить голову ещё сильнее. «Не моя, но Твоя воля да будет, Господи!», — вспомнила Юля молитву Иисуса в Гефсиманском саду. И только тогда, когда Юля отказалась от личной воли, её голова начала потихонечку приподниматься.

Во время другой медитации Юля побывала в красивейшем месте. Белый каменный дворец. Горное озеро. На верху горы — Христос. Испытывала желание обратиться к Нему за помощью, но не могла. Заплакала. Было горько и страшно. Чувствовала себя недостойной. Потом всё же попросила Иисуса приоткрыть тайну её воплощения и задачу этой жизни. Замелькали какие-то кадры. Ничего не поняла.

После полудня вся группа лежала на карематах, готовясь к ребёфингу. Это особая психотехника, освобождающая человека от родовых травм. Техника позволяет соприкоснуться с тем, что внутри: что мы еще не успели пережить, осознать до конца. Во время этих практик (как убеждал наставник) можно освободиться от собственных ядов, мешающих жить, от установок, делающих нас заложниками своих несчастий, неврозов, депрессий.

Сначала учащённое дыхание, потом Юля с криком, слезами «проходила» по родовым путям. Затем её «принял» тренер-инструктор. Как акушер, принимающий роды, провёл рукой по голове, счищая всю накопившуюся ментальную грязь. И странно, было ощущение освобождения и лёгкого парения. Какой-то необычайной благодати! И неимоверной благодарности мирозданию, тренеру, всем, кто был рядом. Юле хотелось читать стихи, петь песни, аккомпанируя себе на гитаре.

Её знакомая посмотрела на неё полными обожания глазами и воскликнула: «Юлечка, какая же ты красивая!»

Через день новая техника – техника «Реинкарнация». Изю всех прежних воплощений запомнились балерина (это Юля-то! Она с детства отличалась негибкостью. В первом классе, когда танцевала танец «Снежинок», кто-то со стороны заметил: «Руки у этой снежиночки, как брёвна!»); фигуристка; но самый яркий образ – монах-старец. Этот монах был худощавым, высоким, в длинном облачении, с капюшоном на голове и с палкой-клюкой в руках. Лицо строгое, вытянутое, с большими выразительными глазами, со впалыми щеками. Шёл он какой-то скалистой тропкой. За спиной – котомка.

Последний эпизод из калейдоскопа – воин, погибший на поле брани. Она видела его тело на плоту, отправленным по реке.

Наконец, последний эксперимент над своим сознанием – сублимация. Как пояснил тренер, это соединение энергии животного, человека и духа. Медведь катал Юлю на своей спине по лужайке. Она начинала понимать, откуда у неё такая физическая выносливость и сила. Но медведь может наломать дров, что-то разрушить. Юля за собой подмечала эту неосторожность в словах, поступках, действиях. Так же, как медведь, Юля была всеядной: всегда готова что-нибудь съесть и в неограниченном количестве.

Именно во время сублимации «стрела» застряла в затылке Юли, было очень больно. Голова словно раскалывалась на части. В какой-то момент Юле показалось, что она сходит с ума. Сознание раздваивалось. И тогда Юля обратилась с просьбой: «Господи, прости меня. Обещаю, что больше никогда не буду участвовать ни в каких рискованных практиках!» Голова постепенно перестала кружиться. Тошнота прошла.

Преодоление себя

– Болеть выгодно, – говорит психотерапевт Ольга Васильевна Полине, – можно за собой не следить. Посмотри за окно. Видишь траву? На неё никто не обращает внимания. Надо стать розой. Тогда все о тебе будут заботиться. Вселенная пойдёт навстречу и будет выполнять любые твои желания. А для начала первое тебе задание, чтобы не раскисала. Пойди в коридор. Подойди к первому встречному и пожми ему руку.

– Здравствуйте, – слегка запинаясь, сказала Полина женщине, сидящей в коридоре.

Женщина оглянулась по сторонам. Осмотрела наличие своих вещей. Всё в сохранности.

– Не бойтесь. Я познакомиться хочу. Пожать Вам руку.

– Зачем? – недоумённо-испуганно спросила незнакомка.

– Понимаете, это мне очень нужно. Мне нужно пожать Вам руку.

- Мы ведь больше с Вами не увидимся.
- А вдруг! Вдруг представится ещё случай. И мы узнаем друг друга.

Полину пробил пот. Голос дрожал. Женщина руку Полине пожала.

– А теперь, – продолжила урок Ольга Васильевна, – представьте, как Вы (психотерапевт неожиданно для Полины перешла на Вы) идёте навстречу всем, улыбаясь, пожимая всем руки и радуясь этой дружелюбности, открытости. Радуетесь умению понимать. Доверять. Общаться.

Теперь насчёт препятствий, трудностей, с которыми Вы сталкиваетесь в жизни. Исходя из Вашего рисунка, я могу сказать следующее: они (трудности) у Вас ассоциируются с отвесной скалой. У скалы нет выступов, нет тропинок, нет дорожки. Скала для Вас неприступная. Вы не представляете, как сможете забраться на вершину, то есть Вы чувствуете себя не в состоянии покорить её. Но ведь хотите? Что будем делать? – спрашивает врач и говорит: «Идём во двор!» Указывает на железную, слегка заржавевшую, загаженную голубыми лестницу:

– По одной стороне этой лестницы ты должна забраться наверх, по другой – спуститься.

– Я? В сабо?

– Уж не знаю как, но это нужно сделать!

– В юбке? На виду у всех?

Сначала Полине было страшно. Она сбросила сабо. Полезла вверх. Цепко держалась руками. Страх прошёл. Появилось даже нечто вроде азарта...Пролезла через дыру в лестнице. Осмотрелась.

– Хорошо? – поинтересовалась Ольга Васильевна.

– Да!

– Наслаждайтесь победой. Почувствуйте торжество покорителя. Теперь спускайтесь.

Уверенно и быстро Полина спустилась. Руки грязные, рыжие от ржавого железа.

Итак, скала – за спиной.

– Что впереди? – спросила Ольга Васильевна.

– Зелень. Трава сочная, яркая, её много-много.

– Это Ваш потенциал, - прокомментировала врач.

– На лугу – цветы. Я бегу и срываю их. Это васильки.

– У Вас скоро откроется интуиция. И тогда все Ваши желания, мечты начнут сбываться. И вообще я за Вас спокойна: у того, кто в конце своего пути ставит Грааль, не может быть депрессии. Вы в состоянии сами решать все свои проблемы. У Вас много ресурсов.

Татьяна Абрамова-Милина

МАГНИТНАЯ БУРЯ

Во всем виновата магнитная буря. Самая мощная за сто лет, она плескалась вокруг Земли несколько дней. Пики магнитных волн переплетали тонкие серебристые нити энергии, направляющие монады в свои, зовущие их в оргазме зиготы, меняя местами конечные точки назначения. Конечно, никто не связывает магнитную бурю со сломанными судьбами, ведь доказательств нет. Но она породила целое поколение людей, которые воплотились не в своей семье, не в своем запрограммированном теле, а в другом, в которое попали по ошибке, а точнее по прихоти магнитной бури.

Так случилось с Луи. Он так радовался тогда в тонком мире, прописывая себе судьбу. Ведь он должен был родиться в семье потомственных врачей, стать хирургом, открыть новые способы лечения нескольких заболеваний, создать семью с верной и любящей женщиной, воспитать троих детей. Луи заслужил такое воплощение – он сотни раз перерождался, добился определенного статуса. Но теперь его планы были разрушены. Он воплотился в теле младенца в многодетной семье рабочего и воспитательницы.

Туман и оцепенение, сопровождающие роды, отступили не скоро. Какое-то время он помнил свою прошлую жизнь. Яркие картинки врезались в мозг острым шилом, почти физическим страданием. Особенно мучительными были воспоминания последнего ухода из жизни. Умирать было больно. Он не хотел мусолить эти минуты, они сами лезли в голову, как ночной кошмар. Луи плохо помнил свои детские годы из прошлой жизни, но чувствовал, что ненавидит этот период, когда заперт в младенческом теле. Руки и ноги не слушаются, невозможно почесаться или перевернуться, противная слюна заполняет глотку, так что приходится орать истощенным голосом, чтобы она протекла в горло. Незнакомые лица склонялись над ним в примитивных гримасах, сующая и чмокая его мокрыми губами. Снизу они казались уродливыми, с маленькими глазками, большими ртами и большими ноздрями. Первое время он так пугался, что в горле возникал спазм, он не мог кричать, только слюни и слезы текли щекам.

Как только в тонком плане оценили, к чему привела магнитная буря, началась обширная инспекция душ, воплощенных в эти злополучные дни. Но зиготы накрепко цепляют дух, поскольку существовать друг без друга они не могут. Развоплощать такое

количество душ, отозвать целое поколение с земного плана, это сродни преступлению. Человечество не выполняет план по рождаемости и прогрессу, поэтому в высших сферах было принято решение корректировать судьбы по ходу дела. Насколько это возможно.

В трехлетнем возрасте Луи еще видел ауру и всплески биополя у родителей, братьев и сестер. Когда мать колотила старшую дочь по голове, ее свечение перетекало из грязно-коричневого в ярко-красное, почти огненное марево. Биополе отца полыхало в эти минуты зелеными облаками от любви к дочери, но остановить приступ ярости у жены он был не в силах. Луи такое марево вокруг матери пугало только поначалу, потом он привык и не обращал на это никакого внимания. Постепенно его способности угасли.

Мальчик был развит не по годам, но ему казалось, что бог наказал его за что-то такое, чего он не делал. Разве это справедливо, что он живет среди людей, с которыми не о чем поговорить, никто из них не интересуется тем же, чем он. Старший брат втихую колотит всех детей пока не видят родители. Жаловаться было бесполезно, а главное некому. Родители пресекали всяческие жалобы и разборки, иначе ни на что другое времени не оставалось бы.

Подрастая, Луи наблюдал за происходящими событиями в своей семье со второго яруса кровати. Это было его пристанище. Здесь он читал, разбирал свои маленькие богатства. Сюда не могли залезть младшие дети. Помимо четверых родных братьев и сестер у него были еще те, которых родители усыновили и удочерили: девочку с вирусом иммунодефицита, мальчика-дауна и девочку-калеку, которую изувечила мать-алкоголичка. Луи казалось, что он живет в сумасшедшем доме или в аду. В свои годы он знал эти понятия. Приемные дети были умственно-отсталые. Мать занималась хозяйством, дети ее нервировали, стирка и готовка отнимали у нее все силы, а на воспитание детей оставалось только раздражение и злость. Добиться внимания матери можно было только сильно треснув кого-то по голове, или устроив скандал. Так действовали все дети, поэтому покоя в семье не было никогда.

Отец был инфантильным, но очень любил детей. Благодаря его врожденной доброте дети не поубивали друг друга к моменту всеобщего похода в школу. Всей оравой вместе с отцом они ходили в церковь по воскресеньям. Перед сном отец рассказывал им истории из Библии, стараясь каждый поступок объяснить с точки зрения божественного учения. Каждый раз во время службы Луи просил бога изменить его жизнь. Он молил, чтобы его любили, спрашивал, почему мать не любит

его, как обычно мать любит своего ребенка, он читал об этом и видел в кино. Или хотя бы пусть отец любит его. Но бог молчал.

В детской комнате, где жили все семеро детей, кроме самого старшего, всегда стоял запах. Дети по очереди подмывали маленького дауна, но удавалось это не всегда хорошо. По ночам даун плакал, мычал на своем языке. Спящая рядом сестра просыпалась, укачивала его снова. Луи готов был тоже мычать и орать истошным голосом, ни выспаться, ни уединиться в этом доме было невозможно. От недосыпа он плохо соображал, не хотел учиться, не хотел идти домой после школы.

Безысходность, тоска, которую он не мог осознать, были постоянными спутниками его настроения. Мать не понимала его, таскала к психиатрам, чтобы те разобрались, почему ребенок либо злой, либо грустный. А так не должно быть, ведь другие дети веселятся и радуются жизни. Специалисты были в тупике. Один только высказался, что агрессия и кажущееся равнодушие к окружению бывают спутниками высокого интеллекта. На том мать успокоилась, но стала относиться к нему более насторожено. Не понять, что ждать-то от него, от интеллектуала!

Бывали и хорошие моменты, когда родители устраивали праздник для детей или справляли чей-то день рождения. Тогда ласка и любовь матери на короткое время доставалась имениннику. Иногда выезжали все вместе в горы на природу, сами готовили еду на костре, ловили рыбу. Вечером жгли костер, пели песни и разговаривали.

Луи чувствовал себя чужим и лишним в этой семье. Но если раньше он мечтал вырваться и навсегда исчезнуть из семьи, то повзрослев, решил, что бог дал ему точку отсчета. Он твердо решил, что будет жить по-другому. Луи не знал еще как, но по-другому. Он будет любить и уважать своих детей и, пусть их будет немного, один или два, но он будет находить время, чтобы разговаривать с ними, обнимать и целовать на ночь, интересоваться их жизнью, быть им настоящим другом. Впервые Луи задумался об этом в девять лет, когда нечаянно свалился вниз головой со своей двухъярусной кровати. Не убился, слава богу, только получил сильные ушибы и сотрясение мозга. Тогда он долго лежал в больнице, один на один со своей головной болью, родители не приходили его навещать. Он не мог понять, почему. Вот тогда он поклялся, что будет любить и лелеять своих будущих детей.

Луи не знал, что этот полет с верхнего яруса был запрограммирован высшими силами, чтобы дать ему шанс уйти из этой жизни, и воплотиться заново с прежней программой. Исход этого падения дали выбрать душе Луи в материальном мире. Душа выбрала жизнь. Путь Луи продолжился по этой судьбе.

Он поступил в институт, окончил его, женился на хорошей девушке, однокурснице. У них родилось трое детей, которых они воспитывали в любви и согласии. Он стал инженером, а не врачом, поскольку его семья была далека от медицины, родители предпочитали лечение народными средствами.

В тридцать лет открылся опыт прошлых жизней, пришли сакральные знания, наличие которых Луи не осознавал, но пользовался ими на подсознательном уровне. Он «остепенился», как думали о нем родители, стал спокойнее и мудрее. Его стала интересовать медицина, обнаружились хотя и скромные, экстрасенсорные способности, которые он не спешил развивать. Луи был в курсе всех медицинских достижений, среди его друзей были врачи. Интерес к вопросам здоровья и медицины остался у Луи на уровне хобби. А человечество на тридцать лет позже, чем могло бы, научилось лечить несколько серьезных заболеваний.

А всему виной была магнитная буря. Самая мощная за много лет, она плескалась вокруг Земли несколько дней. Пики магнитных волн переплетали тонкие серебристые нити энергии, направляющие монады в свои, зовущие их в оргазме зиготы, меняя конечные точки назначения. Так родились сотни людей, души которых воплотились не в своем запрограммированном теле, а в другом, в которое попали по прихоти магнитной бури.

Контактная информация авторов

Николай Яременко	<i>yaremenko@komanda.com</i>
Легких Кристина «Тара Роси»	<i>kristina-legkih@yandex.ru</i>
Юрченко Антон	<i>putnigg5581@gmail.com</i>
Инна Волкова	<i>inna_86@hotmail.com</i>
Виктор Астанин	<i>astanin1948@mail.ru</i>
Азат Арсланов	<i>azat-arslanov@yandex.ru</i>
Вадим Мальцев	<i>vadimmaltcev@yandex.ru</i>
Кошелева Любовь	<i>shenia891@gmail.com</i>
Сорока Ирина Павловна «Илона Бёд»	<i>irinasoroka11@gmail.com</i>
Татьяна Абрамова-Милина	<i>really9@mail.ru</i>
Пономарева Марина	<i>mponomareva232@gmail.com</i>
Басалаева Елена	<i>leb87@list.ru</i>

Сборник прозы

«Сокровенные мысли»

Выпуск 24

Все права на произведения принадлежат
исключительно их авторам.

Составитель-редактор:
Независимое Издательство «Первая Книга»
www.перваякнига.рф